

ВСЕМИРНЫЕ

## ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ залъ „Унионъ“  
состоится  
**КОНЦЕРТЪ** Маріи Ивановны Долиной  
Анонсъ. состоится одинъ **КОНЦЕРТЪ** изъбренной артистки, вслѣдствіе которой  
въ залѣ новой биржи  
въ этотъ вечеръ въ странѣ

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА  
ОДЕССИТОВ

№ 4 (63)

Сентябрь. 2006 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

## Вечные спутники

День рождения Одессы — не только для нынешнего поколения одесситов, но и для тех, кто жил здесь до нас, и, надеюсь, для будущих поколений — это возможность прикоснуться к истории и культуре, осознать, как много дал город каждому из нас и всему миру.

Потому что Одесса — это и де Рибас и дюк де Ришелье, это Георгий Гамов и Илья Мечников, это Александр Пушкин и Исаак Бабель, это Леонид Утесов и Сергей Уточкин, это оперный театр и гигантская лестница... Спутники Одессы, ставшие ее сутью, смыслом, ее легендой и надеждой.

Всегда ли мы замечаем маленькие перемены в нашем городе? Скульптор Александр Князик создал новую мемориальную доску на доме, где жил Исаак Бабель — вместо старой, потрескавшейся, с ошибками, установленной на соседнем доме. В этом году исполняется 65 лет со дня трагической гибели писателя. Но Бабель жил, живет, будет жить в ауре нашего города, он, переведенный на десятки языков мира, делает Одессу городом мировой литературы. А впрочем, только ли он? И Жаботинский, и Олеша, и Ильф, и Петров, и Катаев учат человечество мудрости Одессы и одесситов, знакомят с одесским характером и языком.

Всегда ли мы находим в себе душевные силы, энергию, чтобы стоять на защите родного города? Кто, где и когда обсуждал безликие фонтаны, возникшие на месте последней "бельгийской стоянки" на Греческой площади? А что происходит в Городском саду? Кто и по каким чертежам будет возводить ротонду, ковать решетки ограды? Разве это не должно заботить нас, одесситов?

Можно и нужно переносить отжившие свое памятники. Но гостиницу "Одесса" на морвокзале не скоро перенесут, как и центр "Европа" на Дерибасовской... И не можем мы сказать, что не заметили, как они возникли.

Нет, все эти новоделы не станут вечными спутниками Одессы. Думаю, ироническая улыбка Бабеля сквозь годы относится сегодня к нам. А может быть, нужно вспомнить крылатые слова Михаила Жванецкого: "Тщательнее, ребята!". И именно за это выпить в день рождения Одессы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.



Фото Олега Владимирского

Желаю Вам доброго здоровья, стабильности и удачи во всем! Посылаю свое стихотворение. Есть желание написать на него музыку. Если песня получится — обязательно пришлю.

С уважением,

Всеволод Верник  
Нью-Йорк  
seva37@mail.ru

### Я прилечу!

Мой лайнер

приземлится утром зыбким,  
Вот, наконец, я прилечу домой!

И двери распахнет

таксист с улыбкой:

— С приездом!

Где мы едем, дорогой?!

С застывшей на губах

улыбкой грустной

В Аркадию отправлюсь,

будто в рай,

С Пантелеймоновской на мой

бульвар Французский

Свернет, как прежде,  
старенький трамвай.

Легко отдам за шепот ласковой волны  
Всю прелесть Ниагарских водопадов,  
Все пляжи мира, что красот полны  
Мне не заменят старую Отраду!..

Мне часто снятся

Молдаванка и Тересынь,

Одесской летней ночи благодать, —

Мне не заменит

Брайтон-бич Одессы,

Как лачеха вам не заменит мать!..

И только в снах —

невидимый, безликий —

У Дуны я брожу между колонн, —

Кричит моя душа

безмолвным криком,

Как сдавленный змеей Лаокоон!..

Я полно все закаты и рассветы,

Глаза друзей, которых провожал,

И нету на вопрос в душе ответа:

Зачем я из Одессы уезжал?!

От всего сердца благодарю А. Дильфана за статью о Валентине Хруще. Мне довелось знать Хруща совсем немного. Однако этого хватило, чтобы быть покоренной его творчеством и глубиной его души. Наше сообщество: Александр Лисовский, Юрий Плисс, Евгений Стоев, Виктор Ратунский, Евгений Лукашов, Виктор Павлов глубоко скорбим по нему.

Память о таком Великом человеке и художнике будет жить всегда.

Елена Гертнер  
Gertnerlena@ukr.net

Два года назад я была в Одессе (это просто сказка!) и купила на Дебридасовской Большой полуТолковый словарь одесского языка Валерия Смирнова. Прочитала залпом вдолг и поперец, а когда приехала в Москву и дала почитать друзьям — поняла, какую сделала ошибку. Надо было купить как минимум пять, а то и десять экземпляров. Теперь со временем очередь из ноющих, просящих, умоляющих дать почитать, скопировать на принтере, плоттере и

переписать вручную возросло.

В мае я снова была в Одессе, но книжку не нашла ни в одном магазине! Подскажите, пожалуйста, где ее можно заказать. Я не могу больше отбиваться от приставаний друзей и знакомых... Помогите.

Как говорят, моя благодарность не будет знать никаких разумных пределов.

С уважением,

Надежда  
n\_minakova@mail.ru

С некоторых пор я очень заинтересовался своей настоящей фамилией — Скроцкий. Дело в том, что мой отец совсем не много знает о своем родном деду, который и носил эту фамилию. Все, что известно, — то, что этот человек имел несколько братьев, которые, в свою очередь, были как-то связаны с сахарными заводами на Юге Украины. Моего деду с детства на Украине воспитывал отчим с фамилией Исаенко, которую ношу и я сейчас.

Я родился и живу в Анапе, учился ювелирному делу у отца, окончил художественную школу, с 16-ти лет занимаюсь ювелирными дизайном, сейчас работаю в Московской ювелирной

фирме. С моих работ открыли новую рубрику в журнале "A World Of Dreams", это французское ювелирное издание.

В ближайшем будущем надеюсь привлечь инвесторов к созданию бренда, производящего по-настоящему ювелирное искусство, а не леденцы, как прочие, поэтому мне хочется работать именно под своей настоящей фамилией. И потому, я думаю, это будет честно по отношению к моим предкам.

Я буду очень признателен, если вы сможете мне чем-то помочь.

Владимир Исаенко  
jeweller\_2007@mail.ru

Сейчас у меня на руках сценарий легендарного Юнгвальд-Хилькевича, "папи" мушкетеров, — завершение истории легендарной четверки под названием "Сокровища кардинала Мазарини". К нему — смета. Проект зависает, поскольку затянута поиск инвестора.

Интересуясь этим вопросом, я узнала, что даже Феллини не удалось снять свой последний шедевр по такой прозаической причине, как отсутствие денег. А вот Эжи Гофману повезло больше — он кинул клич по всей Польше и создал "Огнем и мечом" на пришедшие на счет деньги.

Георгию Эмилевичу 71, он в добром здравии, проживает в Москве. Напомню, что все свои шедевры он снял именно в Одессе, а это и "Опасные гастроли" с Высоцким, и "Ах, водевиль, водевиль", и "Узник замка Иф", и, конечно же, "Искусство жить в Одессе".

С надеждой,

Оксана Чернышева,  
редактор журнала  
"Единственная"  
Edipresse Ukraine LLC  
tel. +38(044)4907140  
fax. +38(044)4907141  
e-mail: edipresse-info@edipresse.com.ua  
www.edipresse.com.ua

Один из моих читателей, одессит по рождению, ленинградец по прошлой жизни и израильянин по нынешней, просит узнать что-либо о еврейском детском доме в Одессе, существовавшем

в нашем городе с дореволюционных времен вплоть до...?

Если кто что знает, отзовитесь, пожалуйста!

Белла Кердман  
kerdman@zahav.net.il

Здравствуйте, уважаемые господа!

Ни разу у вас не был, но люблю ваш город почти как свой и, конечно, давно хотел побывать.

Не могли бы вы сообщить, с кем можно было бы начать переговоры о выставке, или просто о людях, которых бы это заинтересовало. Думаю, для культурных людей, людей искусства и офтальмологов это было бы интересно.

С глубоким уважением,

Гарри Линн  
Garri Linn

Nitzschestr 5

53177 Bad Godesberg

Tel: +49-228/8579980

Web: www.irisationen.com

Mail: garri@linn-art.de

Exklusiv vertreten durch:

Galerie UNIKAT

Mainzer Stra. 87

53424 Rolandswerth

T+ F: +49-2228/ 80 61

Mobil: 0177/ 738 62 53

artunikat1@hotmail.com

Талине Владимирской  
Когда сижу на 35-м этаже в своем нью-йоркском офисе с видом на Тудзон и в рабочее время разглядываешь Ваши последние фотографии со Жванецким на сайте клуба, то думаешь, насколько вся наблюдаемая из окна красота меркнет перед Вашими обязанностями! Красавица и Умница! Так держать!

А. Б.  
Морган Стэнли  
Файнэншл Координейтор  
Нью-Йорк  
a@odessa.com

Создан форум для выпускников Одесского института связи ии. А.С. Лопова <http://andrez.rbxlib.com.ua/ois/> Ищу всех выпускников этого института. Заходите, ищите друг друга, общайтесь...

С уважением,

Неволин Владимир  
grig@uaservice.com.ua  
Kiev +38-050-970-20-12

Здравствуйте!

Я одессит, в настоящий момент учусь в Петербургском университете. Хотелось бы узнать, есть ли землячества

одесситов в Питере и как с ними связаться.

С уважением,

Денис Субботниковый  
dennissub@rambler.ru

Дорогие одесситы, мир вам и всего самого доброго!

Пожалуйста, возможно, кто-то сможет дать информацию о том, где в каких архивах Одессы можно найти подтверждение о рождении... 1888 года. Возможно, кому-то как-то знакомо имя Кристиан Эммерих, 22 января 1888 г. рождения в Одессе.

Пожалуйста, спросите своих знакомых, друзей. Кто может помочь — отзовитесь!!

С уважением,

Элизабет Мэри Палмер  
palmer@mail.kamchatka.ru

Компания "Интернет-фильм" разыскивает наследницу авторских прав Григория Колтунова Елену для приобретения прав на сценарий фильма "Сорок первый".

Мы обращались в Российское авторское общество и в Украинское авторское общество, но никаких сведений о наследниках там не нашли.

С уважением,

Матвеева Ольга  
katerino@mail.ru  
(495) 398-35-96

Поздравляю всех выпускников 1981 года ОБАКОЛУ с 25-летием выпуска. Всех крепкого здоровья, счастья, успехов во всем. Всех крепко жму руку и обнимаю. 12 батарея, Ч взвод Сокол (Мальков) vershma1@reg.avtlig.ru

Разыскиваю выпускников-судомехаников ОМУ ММФ 1991.

Вячеслав  
slash71@inbox.ru

Более 40 лет я занимаюсь изучением жизни и творчества замечательного сатирика, фельетониста Власа Дорошевича. Выпустил книги о нем, подготовил его сборники, в т.ч. "Театральная критика Власа Дорошевича" (2004), "Сахалин" в 2-х томах (выходит в Южно-Сахалинске в этом году). Прошу связать меня с одесситом

издателем, которому было бы интересно издать книгу Дорошевича "Одесситы и одесситки" с моей вступительной статьей, рассказывающей об одесском периоде жизни и творчества Дорошевича.

Семен Владимирович Букчин,  
д-р филологич. наук

Минск  
bukczyn@atomnet.pl

Ищу все, что связано с именем моего деду (Жака) Ефимовича Малика, художника, члена Общества независимых художников в г. Одессе в 10-20-х годах 20 века. Если у кого-то есть его картины, мы готовы купить их. Если картины не продаются, мы очень просим сделать цветную фотографию для семейного архива. Нас интересуют любые сведения и упоминания о нем. Заранее благодарим всех, кто откликнется на нашу просьбу.

Владимир Баденков  
mxfart@yandex.ru

Телефон: 8 903 119 61 43; 542 48 71.







ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАРШРУТЫ

Олег ГУБАРЬ

# Что роднит Одессу и Дублин?

Джойс Пушкина читал, а Пушкин Джойса прочесть не успел — разошлись во времени и пространстве. Зато оба почитали Одессу, каковая не только в "Путешествии Онегина", но и в "Улиссе" представлена. Вот и нащупывается некая степень родства, пока литература не. Если же идти дальше, глядясь пристально, то похожесть двух отдаленных и разных приморских городов становится все более очевидной. Моя дорогая подруга Пэт Херлихи, знаменитый историк Одессы, американка ирландского происхождения, справедливо замечает: самый тонкий, самый пронзительный юмор рождают всего больше претерпевшие народы, еврейский и ирландский. Вот уже много ближе, причем не только до Берлина и Парижа, но и до неисторической родины заглавного джойсовского персонажа, Леопольда Блума (Блюма).

Другая моя подруга, дорогая не менее, а именно Люся Лысенко, преподаватель Киевской академии искусств, внучка выдающегося украинского скульптора, волею судеб на несколько лет прописалась в Ирландии, в Хэльвике, неподалеку от Дублина. Она-то и рассказала мне впервые о ежегодном "Bloomsday" — Дне Блума, театрализованном

празднике, карнавале, проходящем ровно 16 июня, то есть в тот самый день, который описан Джеймсом Джойсом. Тот самый день, в течение коего и разворачиваются все события легендарного "Улисса". Когда два главных героя — типологический иудей Блум (метафорический Одиссей, отец) и типологический христианин Стивен (метафорический Телемак, сын) — двигаются по своим эксклюзивным дублинским маршрутам, как бы навстречу друг другу, и практически не пересекаются.

События романа происходят в реальном городе и реальном времени: все многочисленные мелочи абсолютно достоверны. Топография, ономастика, историко-архитектурные и историко-бытовые детали воспроизведены скрупулезно, в точности, один к одному, у всех персонажей, по крайней мере, есть прототипы. Джойс тщательно изучал все первоисточники, проверяя, обновляя и дополняя собственные впечатления. Дорсет-стрит, пивная Ларри О'Рурка, Беркли-роуд, набережная сэра Джона Роджерсона, Таунсенд-стрит, дом такого-то, лавка другого-то, похоронное бюро Николса, Уэстленд-роу, витрина Белфастской и Восточной чайной компании, почтовое отделение,

подъезд отеля "Гровнор", Брансвик-стрит, рекламные плакаты имбирного зеля фирмы Кантрелл и Кокрейн, "Приют извозчика", Камберленд-стрит, аптекарь Свени на Линкольн-плейс, аптека Гамильтона Лонга и т. д. и т. п. Вся эта "уличная фурнитура" — архиважное дело! И мы еще вернемся к ней по-одесски. А куда гости "Bloomsday" иезуитски (садомазохистски?) следуют этим самым маршрутом, искренне наслаждаясь соучастием.

"Нашим экскурсоводом, — рассказывает Люся, — была поразительно рассеянная, как все гуманистари, старушка, все время теряющая бумажки с цитатами из "Улисса", а вместе с ними и свою группу". За два часа экскурсанты пробежались по дублинскому центру, начав с О'Коннол-стрит, стремительно перешли через реку и ворвались в кафе, где "стол Блума" и стойка, как и все связанные с ним места, отмечены бронзовыми табличками, смонтированными прямо в асфальт, бульжную мостовую и прочие сопротивляющиеся материалы. Сверху на табличке — фигурка шагающего с тросточкой человека (Леопольда Блума), а внизу — приличествующая случаю цитата из романа. Далее — Тринити-колледж, Дюк-стрит и все, что положено в придачу. Перед какой-нибудь пивной Барни Кирнана ряженные разыгрывают сценку из "Улисса", в какое действие охотно включаются (вписываются) припадочные экскурсанты и проч.

И вдруг — что за наваждение?! — на маршруте объявляется "Одесса" — ресторация, понятно, а что же еще. Впрочем, с совершенно неординарной биографией. Заведение это придумал некий Питер О'Кеннеди — большой, надо сказать, оригинал местного разлива. Харизмат, куча сумасбродных идей, делает странные чешуйчатые скульптуры, используя автомобильный лом, составляет поразительные ресторанные меню, да еще вкусно играет на гитаре и поет в ночном клубе. Внешне этот тип сильно смахивает на Брюса Виллиса (видел снимок ресторатора — вырезка статейки о нем, из иллюстрированного журнала), и его принимают чуть ли не за мафиози, хотя это чертовски добродушный человек. Позже Люська спросила его между прочим, с какого это рожна он назвал свой ресторан "Одесса". Последовал презабавный ответ.

Когда Питер сочинял название, он выписывал на бумажке разные прихотливые в голову слова, даже самые непредсказуемые. Одним из таких случайных слов была Одесса. Отчего-то оно, это слово, затесалось в памяти, хотя О'Кеннеди даже понятия не имел, что существует такой город (не у Джойса ли он Одессу вычитал?). В другой раз он сидел у телевизора, и как раз шла программа типа "Что? Где? Когда?". Программу он не слушал, но отчетливо расслышал последний ответ на последний вопрос: "Одесса". Тогда и придумался. А вскоре они с приятелем катались в заливе на яхтенном катере, и тот обратил его внимание на снимающееся с якоря большое судно. "Куда идете, парни?" — панибратски поинтересовался Питер. "В Одессу", — последовал ответ. И тогда ему стало ясно, что это судьба. Теперь Питер мечтает посетить наш город. "И если к тебе однажды завалится огромный бритоголовый ирландец, — предупреждает Люська, — то знай, что это от меня".

Все это было кучу лет назад, в середине 1990-х. И тогда же мне пришла в голову столь же простая, сколь и гениальная идея. Отчего бы нам не закатать тут свой одесский "Pushkinday", по отменному априори привлекательному и привлекающему груды туристов дублинскому "Bloomsday"? Взять хрестоматийное "Итак, я жил тогда в Одессе..." и пройтись



Памятник Пушкину в Одессе



Памятник Джойсу в Дублине

ежедневным пушкинским маршрутом, установить красномедные, навевающие ностальгические всхлипы таблички, обновить или воссоздать соответствующие домишки (торговые ряды близ Нового базара и на других мемориальных задворках, дома де Рибаса, Кирьякова, Бларамберга, Давыдовых и проч.) и заведения, да получать моральные и материальные дивиденды! К слову, и памятники архитектуры подлапьем, а достойные развалюхи (пусть и не памятники) спасем от бесповоротного, беспросветного умирания.

А сколько экзотики на вынос?! Утро в гостинице "а ля ретро рюс", чашка аравийского мокко, приправленная бильярдом в коммерческом итальянском казино, эклер и ансамбль "арфьянок" в немецкой кондитерской, баранина и всяческая пахлава в греческой харчевне, посещение бухты с лицезрением всех флагов, энергичное "сбегание" к морю, купальня, заповедный уголок Старого базара (торг в этом деле уместен!), крутая ресторация Отона с "устрицами по-пушкински", сладкоголосая итальянская опера (пушкинский репертуар: "Сорока-воровка", "Севильский цирюльник", "Тайный брак" и проч.), извозчик-лихач

— знаток и исполнитель оперной классики и т. д. и прочее. В числе прочего, скажем, корчму цыганскую или лавку еврейскую устроить, песни и пляски, заказанный мордобой в регистре фольк (репрезентующие танцевальные собрания) пушкинских времен), "похищение невесты", сувениры подходящие соорудить и т. д. и еще раз прочее.

Мы когда-то, было, приняли пропагандировать эту ненавязчивую идею с сотрудницами Литературного музея Олей Попроцкой и Аней Мисюк. Но как-то никого тогда агитация эта не вдохновила и не встрепнула. Время было трудное, купонное (купоновое?), без куража. Может, теперь пришел черед, с учетом, так сказать, позитивной эволюции того же ресторанный, гостиничный и прочего развлекательного бизнеса, включая не растаможенную Таможенную площадь, за отчетный период и общего нашего неумолимого стремления в Европу и далее везде?

Задаю сто первый вопрос об Одессе: отчего бы и не побрататься с Дублином хотя бы родством выдающихся из ряда вон литературных маршрутов? Не вижу препятствий.

А теперь сто второй вопрос: что делает по этому поводу общественность?



Илья КРИЧЕВСКИЙ

# «ОДЕССКИЕ ПАРИЖАНЕ» И ПАРИЖСКИЙ ОДЕССИТ

РАБОТЫ ФАЗИНИ В ИЗРАИЛЬСКИХ МУЗЕЯХ

У старшего брата моего деда было много имен: Шауль, Израэль, Александр, Сандро. Как это звонко и весело звучит — Сандро! Особенно звонко и весело, если знать, что был он художником и жил в Париже.

Кроме этого, в детстве я знал о нем не так уж много. На старой семейной фотографии Сандро возвышался над родителями и братьями, внешность у него была самая что ни на есть романтическая, немного мрачная. И в воображении возник богемный артист, человек сильный и бесстрашный, всегда находящийся в центре внимания. Его жизнь во Франции просто обязана была стать головокружительным приключением...

С годами я узнал о нем больше. Узнал, что был он скромным, немногословным, в зрелые годы больше походил на клерка, нежели на художника. Узнал, сколько трудностей пришлось ему преодолеть. Узнал, где и как закончилась его жизнь. Веселый образ парижского романтика постепенно померк, и сегодня я грущу сразу о двух людях — о настоящем Сандро и о том, которого создала моя детская фантазия.

\* \* \*

Шауль Файнзилбергер, родившийся в 1892 году в Киеве и выросший в Одессе, рисовать начал рано и в 19-летнем возрасте уже публиковал свои работы в журналах. Но где эти работы? Сергей Зенонович Луцкич, замечательный одесский коллекционер, показывая мне свое собрание, продемонстрировал только один оригинал с подписью Сандро. Все остальное — журнальная графика. То тут, то там мне приходилось слышать о рисунках и живописи раннего Фазини, но увидеть никак не получалось. И еще года три назад я не подозревал, сколько работ "парижского дядюшки" хранится в израильских частных коллекциях. А увидел я эти работы только в апреле нынешнего года, в рамат-ганском музее.

Здесь я просто обязан сделать отступление. Человеку, знакомящемуся с жизнью Израиля по газетам или интернету, может показаться, будто в Рамат-Гане множество музеев, — городской, русского искусства, прикладного искусства, детского творчества... Вынужден разочаровать: все это — один музей, где соседствуют очень не похожие друг на друга тематические экспозиции. А те частные коллекции, о которых я только что говорил, когда-то были одним собранием, принадлежавшим Якову Перемену — одесскому ученому, меценату и политику. В 1919 году Перемен вместе с семьей, друзьями и несколькими десятками картин прибыл в Эрец-Исраэль на пароходе "Руслан". Рейс был в полном смысле историческим — ведь на борту "Руслана" находились будущий профессор Еврейского университета Иосиф Клаузер, будущий главный редактор газеты "Ха-Арец" Моше Гликсон, будущий главный архитектор Тель-Авива Иуда Магидович, поэтесса Рахель, танцовщик Барух Агадати, чета художников Константиновских... А картины принадлежали кисти (перу, карандашу) одесских художников из круга "независимых" — Нюренберга, Гершенфельда, Фраермана, Фазини, Олесевиича, Мексина, Малика.

После смерти Перемена (он скон-



чался в Тель-Авиве в 1960 году, 79-ти лет отроду) его коллекция была разделена между наследниками. Картины если и выставлялись, то крайне редко. Так что выставка в Рамат-Гане — настоящее событие, и не только для меня.

Итак, я увидел оригиналы раннего Фазини. Не один, не два, а сразу две дюжины. Это были рисунки, небольшие живописные работы в самых разных стилях — от кубофутуризма до "Бубнового валета". Что ж, Сандро долго искал свой стиль, а пока искал, не считал зазорным подражать и Бердслею, и Тулуз-Лотреку. Маленький, с почтовой открыткой "Лотрек" в толстой раме висит между таких же маленьких работ Сигизмунда Олесевиича и Израиля Мексина, аргументируя название выставки — "Одесские парижане". А чуть подальше — смелые, без тени подражательства фантазии на античную тему. И тут же большой портрет Сандро, каким его увидел Олесевиич.

Вышло так, что для графики и небольших картин отвели малый зал музея, а "полноразмерную" живопись определили в большой. И экс-

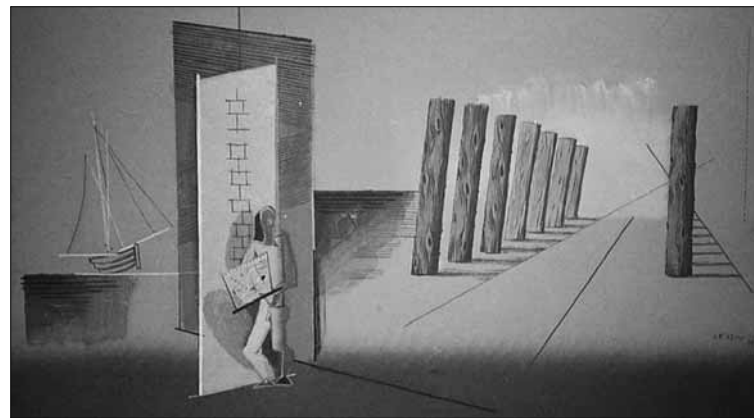


позиция малого зала оказалась интереснее. Не потому что там Фазини, а по иной причине — в малых формах чувствуется гораздо больше мастерства и самостоятельности, чем на больших полотнах (да простят меня художники, в юности черпавшие вдохновение в творчестве Гогена и Сезанна!).

"Очень много вторичного", — сказал мне старый приятель, оглядев выставку. Я согласился, но заметил, что не во вторичности дело. В музее воссоздан целый мир, давно исчезнувший и безумно интересный. Мир, который не выглядит вторичным рядом с Парижем, Мюнхеном или Веной начала века, а стоит в одном ряду с ними.

Здесь же, в Рамат-Гане, экспонируются парижские фотоснимки Фазини. Он первым из четверых братьев увлекся фотографией, в 1917 году был направлен временным правительством в Гатчину для съемки интерьеров дворца императрицы Марии Федоровны. После этих съемок у нас дома сохранилось несколько сувениров: пара маленьких технически безупречных фотографий, конверты и почтовая бумага с тисненными раззолоченными вензелями великих княжон и... А были еще толстые папиросы, изготовленные специально для Александра III, да листок промокательной бумаги, на котором отпечаталось одно слово — "Николай". Этот листок мой дед подарил Булгакову,

и тот благоговейно подносил промокашку к зеркалу, чтобы увидеть царский автограф. "На подлинном собственной рукой его императорского величества..."



О Фазини-фотографе, о его снимках, сделанных в Париже, много говорить не буду. Скажу лишь, что три брата — Сандро, Илья и Вениамин — видели мир одинаково. И фотографии, выставленные в Рамат-Гане,

выставке "Депортированный Монпарнас" в иерусалимском мемориальном комплексе Яд ва-Шем. Сама выставка впервые была показана почти год назад в Париже. В Израиле она особого интереса не вызвала, и лишь за несколько недель до закрытия экспозиции о ней начали рассказывать в средствах массовой информации. Жаль, но ничего не поделаешь. У прессы свои приоритеты.

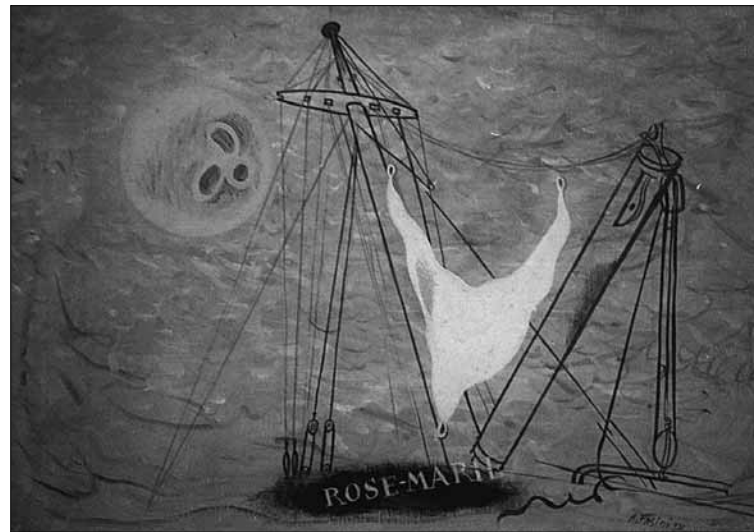
Если во Франции названию выставки сопутствовал нейтральный подзаголовок "Художники из Европы", то в Израиле придумали нечто более острое: "Конец парижской школы". И действительно — когда художников, проживших в Париже десятки лет, ставших частью этого города, вдруг сгоняют на Зимний велодром, чтобы увезти навсегда,

разве это не конец, не катастрофа? Причем катастрофа не только для художников, не только для их народа, но и для Парижа.

В просторном зале, наполовину упрятанном в склон горы Герцля, были работы десятков художников — выходцев из России и Австрии, Польши и Венгрии, Украины и Румынии. На большом щите у входа фамилия Фазини значилась под рубрикой "Украина". И я, не задерживаясь у постимпрессионистских и экспрессионистских холстов (некоторые были по-настоящему прекрасны!), пошел искать Сандро.

Я нашел его сразу. Пять картин оказались не очень-то похожи на те лаконичные рисунки середины 1930-х, которые хранятся у моей матери, но ошибиться было невозможно. Вот он, Фазини парижского периода, выставившийся у Вавена, в Салоне независимых и на Всемирной выставке 1937 года!

Всего пять работ. Одна из них меня просто потрясла. Это графиче-



\* \* \*

Рамат-Ган — не единственный город, где нынешней весной можно было увидеть работы Сандро. Пять его картин демонстрировались на

сая композиция на коричнево-желтом полотне. В самом центре — некий инженер или архитектор, а справа тянутся ряды столбов, толстых неотшкуренных бревен, врытых в землю, вдоль пересекающихся на горизонте линий. И тени от столбов заканчиваются ровно на линии, так



что издали все это можно принять за рельсы и шпалы. Железная дорога. Ограда. Написано в 1929 году.

Не знаю, о чем думал художник, но получилось произведение воистину пророческое. Ведь после ареста в 1942-м его отправили в концлагерь Дранси, а потом в Освенцим. По железной дороге. За ограду.

К слову, официальное известие о его гибели моя семья получила только 12 лет назад, из архива Великого герцогства Люксембург. Именно там было сказано: "Казнен в концлагере Аушвиц в 1944 году". Конечно, родные знали, что с ним произошло. Знали задолго до моего рождения, ибо поиски, проведенные сразу после войны, никаких результатов не дали. Но мы не знали, где и когда его убили. Теперь знаем. Предчувствовал ли он свою судьбу — сказать трудно. Известно, что знакомые предлагали ему бежать из оккупированного нацистами Парижа в Виши, а оттуда в Испанию, но он не двигался с места. По словам очевидцев, в последние месяцы перед арестом Фазини пребывал в состоянии глубокой депрессии. А арестовали его вместе с женой Азой 20 июля 1942 года.

Вышло так, что пять работ моего парижского дядюшки (вообще-то двоюродного деда, но мне привычнее считать его дядей) привлекли больше внимания, чем картины многих известных монпарнасцев. На выставке нет больше ни одной работы в подобном жанре. Сегодняшние искусствоведы объявили Фазини сюрреалистом и метафизиком. И вполне возможно, что его забытые картины обретут новую жизнь, а их автор — мировое признание.

Я должен быть благодарен судьбе. После Сандро, которого я никогда не видел, остались картины и рисунки, фотографии и письма. Даже гатчинские сувениры. Его памяти повезло.

А в главной экспозиции Яд ва-Шема, на одном из изломов зигзагообразного бетонного коридора, я увидел другое. Такое, что без стеснения расплакался. То были мелочи, буквально мусор, выложенный в маленькой витрине. Какие-то бумажки, разломанные коробочки от лекарств и конфет, монетки и билетки, паспортные фотографии. "Мусор" выгребли из карманов расстрелянных, собрали в коробку и похоронили в братской могиле. И это все, что осталось от нескольких сот человек. А рядом — стихотворение Натана Альтермана, которое в Израиле часто цитируют, особенно в День памяти Катастрофы и героизма, но всегда читают одну и ту же строчку — вторую. Целиком оно куда страшней:

Когда нас казнили,  
Мы не слышали гнева мирского,  
Ибо нас Ты избрал  
из всех народов,  
Ибо нас Ты любил.  
И когда казнили наших детей,  
Наших умных еврейских детей,  
Они ничего не говорили.  
Только закрывали глаза матерям,  
Чтобы те не смотрели.  
Ибо знали: их кровь  
В этом кровопролитии  
Не считается.

Это написано в 1942 году. В том же году, когда арестовали Сандро. Это и о нем тоже.

Израиль.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

# Только детские книги читать...

...в детстве не пришлось. К сожалению или к счастью, не знаю. Читалось все, что можно было читать. А стихи Мандельштама, откуда я позаимствовала строчку заголовка, нам тогда были неизвестны. Как и его имя.

С нашим нехитрым шарбом в оккупированной Одессе перемещались и те немногие книги, которые были в доме. Все они помещались на полках одной этажерки, но мне казались библиотекой. Правда, первой библиотекой, в которую я попала, была скромная школьная библиотека, но мне она представлялась наполненной книжными сокровищами. А уж когда ее владительница, немолодая дама, внешне не похожая на наших учительниц и пионервожатых (может, из "бывших?"), позволила мне заходить за перегородку и выбирать себе книгу для чтения — это было невероятным счастьем, приобщением к таинству, хоть слова такого я еще не знала. Великие библиотеки — наша Горьковка, библиотеки одесского и ленинградского университетов ("коридор Петровских коллегий бесконечен, гулок и прям" — нужно было пройти четыреста метров его протяженности, чтобы в торце открылась заветная дверь в этот книжный рай!), библиотека Академии художеств с ее торжественными ампирными залами, питевская Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина — меня ждали в будущем, о чем я тогда и не догадывалась, как не догадывалась, что судьба подарит мне книжные драгоценности, любовно собранные моим мужем... Все это будет в счастливом потом!

Кроме книг на этажерке были еще "папины книги" — богословские, хранившиеся особняком в тумбочке под иконами. Я и тогда заглядывала, с особым интересом рассматривая "Путеводитель", с которым папа накануне первой мировой совершил долгое паломничество по Святым местам, и альбом фотографий Афонских монастырей.

Я рано начала читать, года в три с половиной, не позже, а когда еще чуть подросла, папа выучил меня церковнославянской азбуке, и чтобы доставить ему радость, я легко читала вслух Новый Завет...

В тишине буфета, в одном из его отделений хранились "мамины книги". Рядом с образчиками выкроек, вышивок, кружев, книжек о лекарственных травах стеленно высились три книги, неизменно вызывавшие мой интерес. Первая — "Домашняя медицина" Флоринского, изданная в начале XX века. Мама всю свою долгую жизнь предпочитала лечению натурными средствами, насколько это было возможно. Различные травы, графинчик с водкой, настоянной на зеленых орехах, другой графинчик — с "церковным вином", кагором — мне кажется, никогда не исчезали из буфета. И минимальный арсенал лекарств — аспирин, цитрамон и прочие, столь же "демократические" лекарства.

Я думаю, что мама, сложившая ее жизнь иначе, была бы замечательным врачом, таким же, как моя покойная свекровь Клара Натановна, наша Кларочка, которая была врачом от Бога. Даже сейчас ее пациенты, а прошло почти двадцать лет после ее ухода, вспоминают ее с благодарностью, что греет нам душу.

Мама же лечила нас сама, и только в каких-то сложных ситуациях в доме звучала фраза: "Нужно пригласить врача!". "Вызвать врача!" — этого в лексиконе тех лет (не только в нашей семье) не было. "Вызвать врача!", по-моему, появилось тогда, когда из одесского языка исчезло обращение "Мадам!", и стало все чаще звучать "Женщина!".

Пока мама лечила нас и врачевала оказавшихся в беде и печали многочисленных родственников, я читала "Домашнюю медицину". Не скажу, что так уж она была мне интересна (может, я напоминала гоголевского Селлитуна, готового читать все без разбору?), но какие-то страницы привлекали мое внимание, и подлинный

ужас вызывало название и описание болезни "пьяска святого Витта"...

Две книги из мамино "хранилища" были совсем другими. Одна, в простеньком холщовом переплете, называлась "Скоромный и постный стол. Кулинарное пособие для хозяйки". В предисловии автор, Александра Толиверова, сообщала, что адресует эту книгу семьям среднего достатка. Правда, советы, как одевать прислугу, как следить за наличием носового платка в кармане передника, чтобы, не дай Бог, прислуга "не сморкалась в полотенце", описание всяческих блюд, например, "экономического супа", для которого нужно было взять "полтора фунта говядины или старую курицу", коренья, варить, а когда суп будет готов, "курицу за ненадобностью можно выбросить"(!), и упоминание о "среднем достатке" казались в послевоенные годы и даже гораздо позже неуместной шуткой. Потом этот томик достался мне по наследству. Лет двадцать тому назад в одном из "толстых" журналов, кажется, это была "Нева", мы наткнулись на статью об Александре Толиверовой, и я теперь совсем иначе отношусь к этому скромному пособию о скоромном и постном столе. Александра Толиверова, оказалось, в шестидесятые годы девятнадцатого века жила в Италии, была ближайшей сподвижницей Гарибальди. Даже жила в его доме, под видом невесты проникла в тюрьму, где томился друг и адъютант Гарибальди, чтобы предупредить его о готовящемся побеге... Потом вернулась в Россию, издавала женские и детские журналы, запомнилось название одного из них — "Игрушечка". Кулинарная книга была ею написана в то время, на сломе веков, когда все больше женщин, не только бестужевки, посвящали себя работе — просвещению, медицине, социальным движениям...

Рядом с "Домашней медициной", и толстым томиком А. Толиверовой, демократическими изданиями начала прошлого века настоящей императрицей высилась знаменитая книга Елены Молоховец — в черном кожаном переплете с золотым тиснением. Эти книги, как и кузнецовский поднос с характерными букетиками цветов, висевший теперь у нас, — подарки, свидетели свадьбы моих родителей в 1925 году на Сретенье, 15 февраля...

В отличие от многих моих сверстников, бредивших в детские годы Жюлем Верном, я оказалась равнодушной к его фантастике. Мне фантастику заменила Елена Молоховец. Это было совершенно платоническое увлечение. В мою детскую голову даже не приходила мысль, что все эти фантастические названия — соусов, супов, сыров, овощей, закусок, кондитерских чудес, чаще написанные по-французски, все эти слова — унци, фунты, золотники — были словами из реальной жизни. Нет, они походили на слова из исторических романов, а еще больше на фантастические полеты воображения!

Когда появилась советская "Книга о вкусной и здоровой пище", картинки в ней вызвали плотоядные мысли и желания. Но книга была простецкой! В ней не было тайны. Полюбить ее было невозможно. Когда я уже в зрелом возрасте прочла уничтожающее стихотворение Арсения Тарковского о Елене Молоховец и ее книге, мне стало немного обидно. Мне детское отношение к этой книге было совершенно лишено гастрономических притязаний.

Кстати, я вспомнила, как Аркадий Райкин в каких-то воспоминаниях рассказывал, что был на гастролях в Англии, когда Анна Ахматова получила докторские почести в Оксфорде. Из советского посольства ему посоветовали быть на этой церемонии. Описывая ее, Аркадий Исаакович вспоминал, что на чествовании "королевы поэзии" присутствовали он, "клоун" и "сын кухарки" — сын Елены Молоховец, живший в Англии...

Как и у Арсения Тарковского, опять мелькнуло уничтожительное — "кухарка".

Заинтересовавшись тем, кем же была Елена Молоховец, мой любознательный муж заглянул в интернет и выяснил, что Елена Ивановна Бурман родилась в 1831 году в дворянской семье. Отец был начальником таможенной службы в Архангельске. Рано лишившись матери, она была отдана бабушкой в Смольный институт благородных девиц, который окончила с отличием. Вернувшись в Архангельск, вышла замуж за главного архитектора города — Франца Молоховца.

А в 1861 году впервые выходит ее книга "Подарок молодым хозяйкам", выдержавшая до революции 29 изданий. Умерла Елена Ивановна Молоховец в Петрограде в 1918 году среди нищеты и, вполне вероятно, от голода... Так что, при всей любви к Арсению Тарковскому его филиппики в адрес "кухарки", "полублагодной", "полублагородной" мне кажутся, по меньшей мере, несправедливыми...

Но все-таки чаще всего я обитала в противоположном углу комнаты, рядом с книжной этажеркой. На ее полках стояли огромные (так мне тогда казалось!) однотомники Пушкина, Гоголя, Чехова. Не уступающая им в объеме "Хрестоматия" (очевидно, для гимназий), в которой были отрывки и, как теперь бы мы сказали, — дайджесты, из произведений мировой и русской литературы. Именно благодаря этой хрестоматии я впервые узнала имена Эзопа, Лафонтена (удивлялась, почему их басни так похожи на басни Крылова?!), Шекспира, Гете и — мне самой кажется теперь невероятным — Хемингуэя, Хераскова, Сумарокова и Тредиаковского.

Среди этих фолиантов скромно ютились и другие книги — отдельное издание "Евгения Онегина" с силуэтными иллюстрациями В. Свистальского (на имена художников-иллюстраторов я стала обращать внимание гораздо позже), "дооктябрьский" томик Лермонтова с ятями, но, увы, без пьес и прозы. Этот недостаток был восполнен. На этажерке со временем появились толстая тетрадь в синем колленкоревом переплете (большая редкость и ценность по тем временам), в которую мои старшие сестры в четыре руки старательно переписали лермонтовский "Маскарад". Именно из этой тетради я и учила любимые монологи: "...кто был там, с кем я говорила, кому браслет на память подарила, и Вы узнаете все лучше во сто крат, чем съездили бы сами в маскарад...". Какой же радостью была покупка (на нее долго сестры собирали по копеечке), опять же, большого однотомника Лермонтова — со стихами, поэмами, прозой и пьесами.

В семье благодаря маме был культ Некрасова. Многого она знала наизусть, что-то читала вслух при свете керосиновой лампы из тоненьких дешевых изданий. А на мое десятилетие старшая сестра, моя Лена, подарила мне большой однотомник Некрасова в голубом переплете. Это уже было счастье несказанное. Он и теперь, с пожелтевшими страницами, с трогательной надписью, стоит у нас на полке...

Но, наверное, в том далеком детстве из всех книг, стоявших на этажерке, одна из самых любимых — катавский "Белеет парус одинокий". Мне кажется, что тогда я знала каждую страницу наизусть. Теперь я думаю, что любовь к "Парусу" была воплощением знаменитых слов "И сладок нам лишь узнавания миг". Естественно, наши реалии, наш быт никак не были похожи на жизнь семейства Бачей. И все же — соблазнительное, покоряющее сходство деталей — венские стулья в столовой (пусть у нас не было столовой!), цветок гиацинта, распускаяющийся к Пасхе (пусть мы еще не видели, как выглядят гиацинты), но у нас к Пасхе зеленела трава, высаженная мамой на красивой тарелке, а вокруг нее — крашенки. И сказочность елки, к которой мы заранее вырезали корзинки из цветной бумаги, и из нее же

склеивали цепи взамен стеклянных гирлянд, которых у нас не было и в помине. И пусть орехи мы не покрывали сусальным золотом, но обернутые в фольгу, они были не менее волшебными. И простая карамель в бумажной обертке была не менее вкусной, чем все надкусанные Павлом пряники на елке у Бачеев. Мне эта елка у героев Катаева была так близка, что я, стоя под огромным тополем напротив велотрека (теперь на его месте Музкомедия) в компании своих соучениц, рассказывая о нашей елке, повесила на нее и надкусанные пряники. Алла Грабова, девочка из параллельного класса (потом она училась в одном классе с Сашей Розенбоймом), воскликнула: "Так это же в Белеет парус одинокий" Павлик надкусывал пряники!". Я посмотрела на нее высокомерно и сказала: "Ну и что?! У нас на елке тоже висят надкусанные пряники!". Наверное, мне тогда казалось, что эти золотушные надкусанные пряники — невероятная роскошь!

А вся одесская топонимика! Вот и я хожу в школу на Французский бульвар, правда, по нему не проезжает ландо Каульбарса. Вот же, в квартире у нашей Малой Арнаутской, на нашей Гимназической угол Новорыбной, Петя читал взахлеб, поступая в гимназию, "Белеет парус одинокий". Я ведь с тем же упоением читаю "А он, мятежный, просит бури...". А аптека на Канатной, мимо которой проезжал, возвращаясь из Аккермана, Петя! — мы же тоже туда бегаем.

А слюдяные дорожки равликов-павликов, пусть не на заборе дачи Маразли, но они серебрятся и в нашем дворе. А курень дедушки и Гаврика! Мы застали еще похожие курени на склонах в послевоенной Одессе.

Конечно, Ближние Мельницы — это был какой-то неведомый край одесской земли. Как-то приехав в Питер, пытаюсь объяснить нашему приятелю, где мы теперь живем. Он был у нас на Кузнецкой, а я ему что-то втолковываю про одесские Черемушки. Кажется, объяснила. Вдруг он воскликнул: "Так что, вы теперь живете за Ближними Мельницами, куда Гаврик водил Петю к брату Терентию? Так бы и сказала сразу!". А приятель был коренным петербуржцем.

Моя любовь к Пете и Гаврику была почти домашней, свойской, как к мальчишкам из нашего или соседнего двора. Другое дело — возвышенная, робяющая любовь к Николеньке Иртеневу! И все Николенькины печали, и все радости (ну, хоть право наконец-то надеть панталоны со штрипками, как у взрослых!) я готова была делить с Николенькой. Правда, я не могла разобраться, кого же я люблю больше — самого Николеньку или добрейшего Карла Ивановича. Из толстовской трилогии именно "Детство" перечитывалось бесконечно и всегда с упоением!

Я вспомнила только некоторые книги, стоявшие у нас на этажерке. Они были читаны-перечитаны, но кроме них в доме постоянно читались книги, взятые у подружек, у друзей родителей, потом и в библиотеках.

И хоть перед летними каникулами "Пионерская правда" печатала список книг, которые необходимо было прочесть в течение лета (и они прочитывались!), но никакого "планового" чтения не было. Читалось все! И одно другому не мешало. Горючие слезы, доходившие до рыданий, проливались над "Хижинкой дяди Тома", "Принцем и нищим", "Дэвидом Копперфильдом" и романами Лидии Чарской, будь то "Лизочкино счастье", "За что?" или "Княжна Джаваха". Сколько язвительной критики, сколько критического яда было вылито на голову бедной писательницы и на ее романы! Наверное, справедливо. Я с тех далеких лет, естественно, не только их не перечитывала, но даже не держала в руках. Но вспоминая, сколько жалости и сострадания в моей не искусленной в литературных тонкостях душе вызывали судьбы героини Чарской, сколько неподдельных слез было пролито на рассыпав-

шиеся от времени, затертые страницы ее книг, я несколько не жалею о том, что в детстве читала Чарскую.

Конечно, были попытки со стороны старших блюсти какие-то возрастные пределы. Сестры читали Мопассана и Золя. Мне не давали. Звучало убойственное: "Ты еще маленькая!". У-у-у-у! Приходилось читать в их отсутствие, тайком. Какое-то слова и ситуации были совершенно непонятны. Но спросить нельзя — ведь тайком! Помню, как, читая синые тома сочинений Шеллера-Михайлова, никак не могла понять, почему все время наталкиваюсь на неправильное написание слова — кокетки. Ведь правильно — кокетки! И почему герои так часто восклицают: "Поедем к кокеткам!". Что они делают у этих кокеток?!

И еще одно воспоминание о Шеллере-Михайлове. Одна из героинь критически отзывается о желтом платье с зеленым поясом другой героини (зеленый пояс на розовом платье чеховской героини, по-моему, появился позже) — совершенно уничтожающе: "Яичница с луком!". Вот и все, что осталось в памяти от нескольких томов Шеллера-Михайлова. Мало? Но есть же книги, от которых и этого не остается.

Естественно, что книги вызывали не только горючие слезы. Можно было хохотать до слез, читая "Приключения Тома Сойера" или в тоненькой книжке "Библиотеки "Огонька" (романы еще не были переизданы) отрывок из "Двенадцати стульев" про Эллку-людоедку.

Сколько досады вызывала хранившаяся там же, на этажерке, старенькая книжка, в которой отсутствовали первые страницы! Это был "Овод" Лилян Войнич. Мне приходилось самой догадываться о круто завязанной интриге, и каким облегчением стало прочтение книги, вновь изданной через несколько лет, со всеми страницами, подтвердившее мои догадки...

Так случилось, что еще одна книга, "немного беременная", как говорит в таких случаях наш друг Сергей Зенонович Лучиц, лишенная последних страниц, то ли кем-то подаренная (тогда не стеснялись таких "ущербных" подарков), то ли купленная сестрами на каком-нибудь книжном развале, появилась на этажерке позже. И любовь к ее герою вытеснила из моего сердца и Петю с Гавриком, и даже Николеньку Иртеневу. Это был "Кюхля" Юрия Тынянова. Бедный Кюхля! Я готова была бежать с ним топиться в царскосельском пруду, вызывать на дуэль друзей-насмешников, негодовать по поводу эпилепсии "так было мне, мои друзья, и кюхельбеккерно, и тошно", и вместе с тем не могла сквозить слезы сострадания не хохотать над несуразностью долговязого Кюхля. Тогда я влюбилась в Лицея. И в Пушкина. В юбилейном однотомнике Пушкина, стоявшем на полке этажерки, было много портретов — самого поэта, лицейских друзей, героинь "донжуанского" списка Александра Сергеевича. Только после "Кюхли" они в моем воображении ожили, задышали, обрели голоса. Заветная книга!

И все же, возвращаясь к книгам детства, я вспоминаю одну, ни автора, ни названия которой я не помню. Не помнят и мои сестры.

Холодным осенним днем мама пошла на Привоз. Денег не было. Какое-то гроши. Не помню, может, мама взяла из дому что-нибудь продать, а может, надеялась на эти гроши что-то купить. Во всяком случае, ничего съестного купить ей не удалось. Удрученная, мама покинула Привоз и при выходе увидела женщину, продававшую какую-то книгу.

Мама пришла домой и сказала: "Девочки, я вам ничего не купила из еды. Но зато я купила вам книгу!". Мы, три мамы девочки, сморим теперь друг на друга и пытаемся вспомнить, какую же книгу в тот день мама нам купила! И к своему стыду, возведенному в куб, вспомнить не можем. Но главное воспоминание осталось.

Мама купила Книгу.

# Шаржи Кирилла Дремлюха

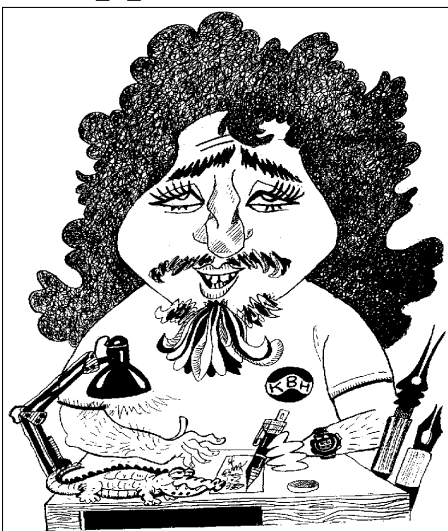
Не первый раз мы знакомим читателей с веселым творчеством одессита, ныне живущего в Нью-Йорке, Кирилла Дремлюха. С самого начала — со школьной скамьи, не имея профессионального образования — он выбрал свою тропинку в искусстве, увлекся шаржированием популярных людей.

Что такое шарж? Известный плакатист, карикатурист Дмитрий Моор когда-то написал: "Шарж — это не просто плохо нарисованный портрет человека с длинным носом. Это сумма знаний о человеке".

Полностью соглашаясь с этим определением, добавлю, что шарж — это иронический взгляд, это попытка сказать то, что не может выразить реалистический портрет.

Где любят, понимают юмор, там и расцветает шарж. И не случайно Кирилл Дремлюх, родившийся в Одессе, как бы продолжил школу художников М. Линского и Б. Антоновского, Соломона Зайцера и Николая Вылкуна, а переехав в Нью-Йорк, закончив университет по специальности "кино и телевидение", он вобрал опыт и мастеров американского шаржа, без которого невозможен пиар ни одного деятеля культуры, науки, политики...

Недавно Кирилл Дремлюх вновь побывал



в своем родном городе и оставил нам новые шаржи, посвященные одесситам и людям, близким нашему городу. Знакомим с ними наших читателей.

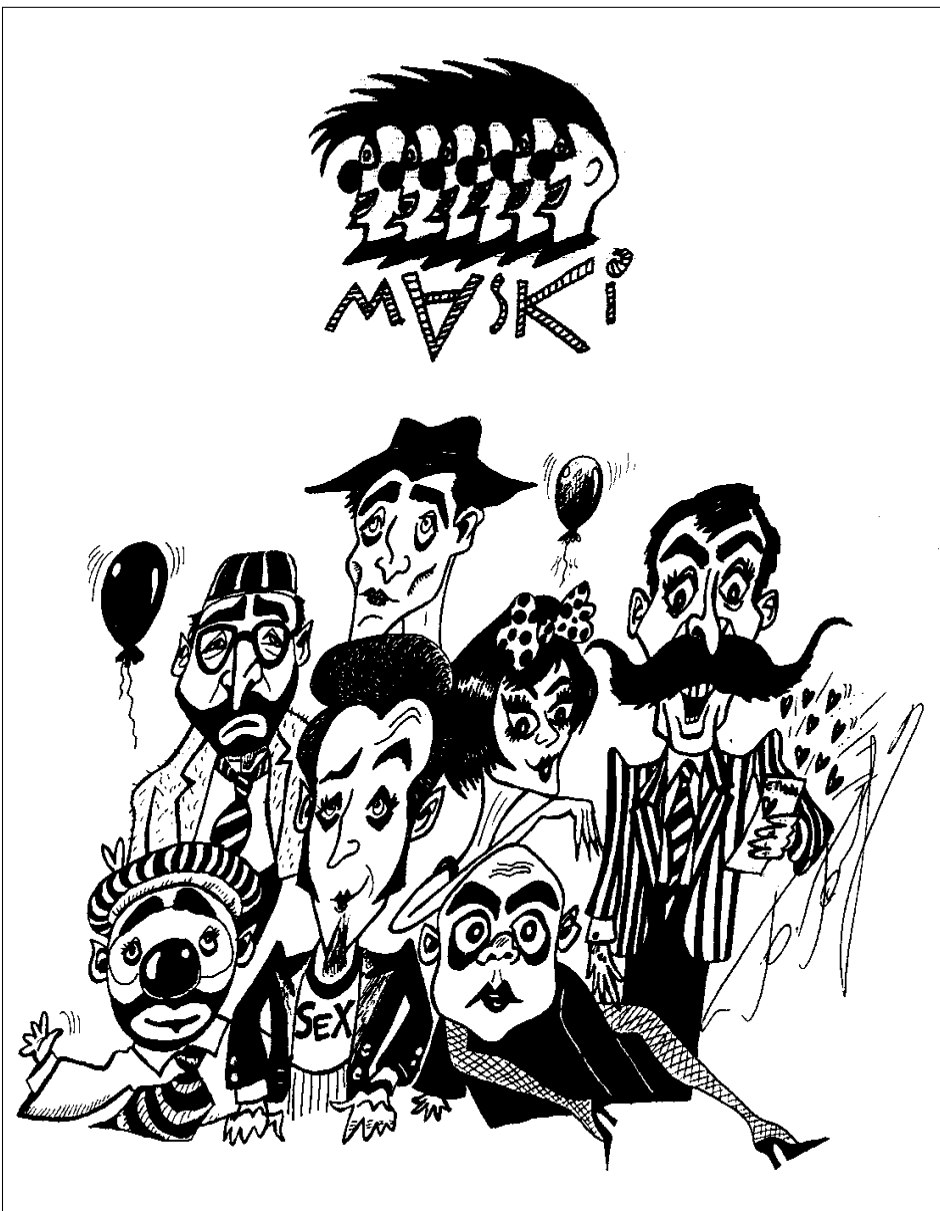
Е. Г.



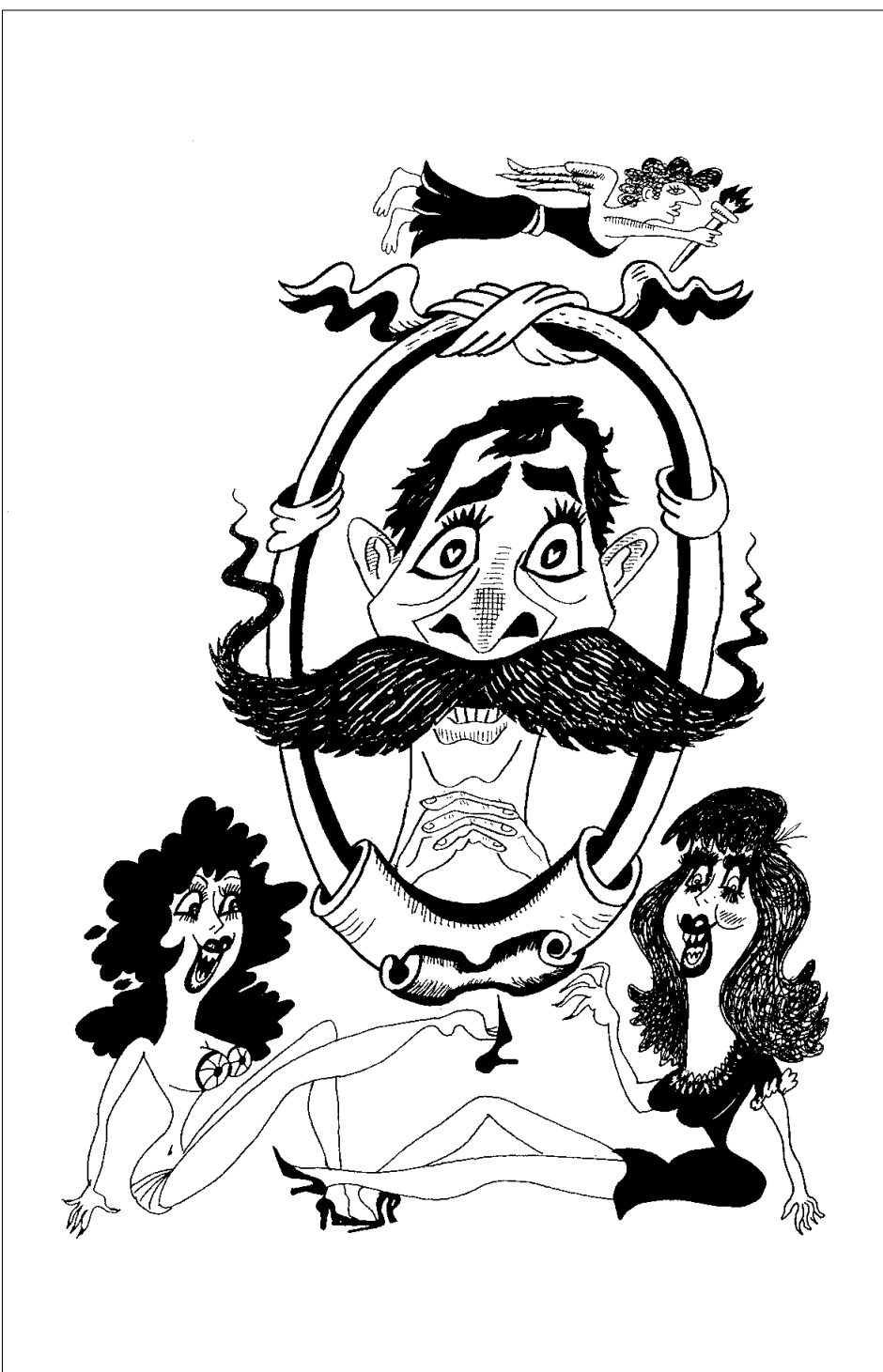
Игорь Кнеллер, Янислав Левинзон, Олег Филимонов



Валерий Хаит

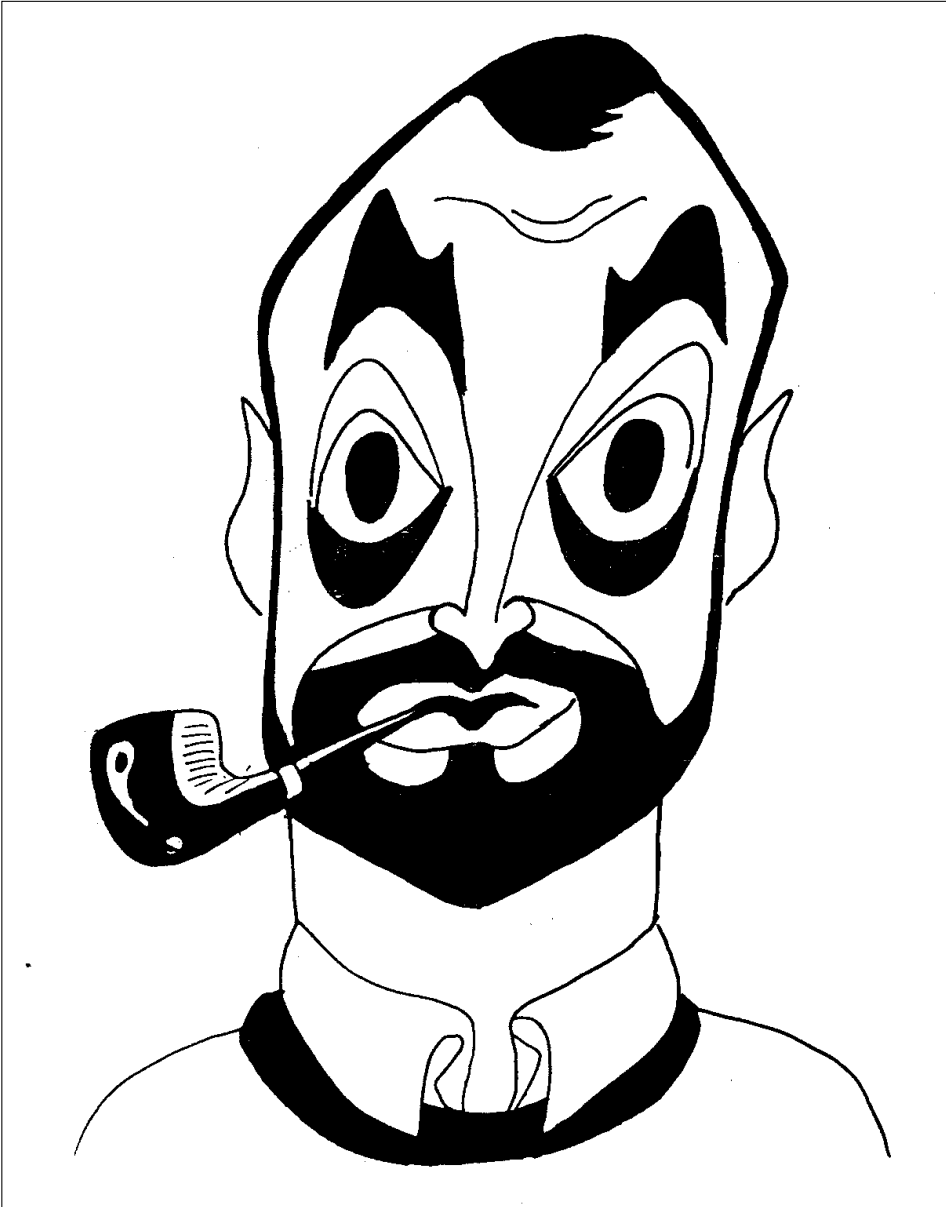


Маски-шоу



Борис Барский





Григорий Горин



Рената Литвинова



Лариса Удовиченко



Максим Галкин

# ПРОЗЕВАННЫЙ ГЕНИЙ

**Анна БОВШЕК:**

## ГОРОД ДОБРЫЙ. ГОРОД ЗЛОЙ...

...Сегодня трудно представить себе, что двадцать лет назад имя "Сигизмунд Кржижановский" было известно едва ли десятку людей. О том, как началось его возвращение в литературу, писалось много раз, но всегда хочется сделать это снова. Рассказать о том, как не удавалось ему напечатать книги в 1920-е или в 1930-е годы, — ну разве что самые крохи; о том, как любили и ценили его современники из самых придирчивых. Как этого "писателя для писателей", волею судьбы десятилетиями не имевшего выхода к читателю, постигла немота — сначала фигуральная, "писательская", затем и буквальная, болезненно-человеческая... Как много после смерти Кржижановского Вадим Перельмутер, заинтересовавшись дневниковой записью Георгия Шенгеля о "прозеванном гении", отправился в — тогда еще — ЦГАЛИ посмотреть его рукописи. Как до прозрачности был зачитан студентами МГУ экземпляр самой первой книги "Воспоминания о будущем" (1989 г.)...

Собрание сочинений С.Д. Кржижановского, которое выпускает петербургское издательство "Symposium", сегодня почти закончено: на подходе — последний, пятый том.

Не было бы у писателя и посмертной славы, когда бы не жена, актриса Анна Гавриловна Бовшек. Он не принадлежал к тем, кто "женится на своей вдове"; но она была и навсегда осталась верна его творчеству — в самом высоком смысле. И после его смерти позаботилась, чтобы рукописи не погибли, остались в архивах. Благодаря ей мы получили русско-голландского писателя европейского класса, а он — обрел, наконец, читателей. Поздно; но все-таки — не "никогда".

В 1920-1930-е гг. так часто, как только удавалось, Анна Бовшек приезжала в Одессу, навещала мать и родственников, грелась в лучах своего родного южного солнца. Москву она не любила, считала ее — почти всерьез — виновницей несчастья Сигизмунда Доминиковича. Разлучаясь, они переписывались. Весь корпус писем увидит свет в пятом томе. Здесь — только несколько отрывков из писем А.Г. Бовшек (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 2, е. х. 1), лишь штрихи к автопортрету, к портрету города и — любимого человека.

18 июня 1923

Мой добрый-добрый, мой хороший друг, бесконечно обрадовалась Вашему письму, беру его с собой к морю, в степь, и стараюсь из-за строк видеть Вас. <...> Я живу в разоренной дикой местности: на версту кругом ни чернил, ни пера, ни бумаги. <...> ...оставшись без почтовых принадлежностей, почувствовала себя так, как чувствуют себя матросы, убедившись, что на корабле не осталось ни капли воды для питья. Листы, на которых я пишу сейчас, достались мне почти с такой же трудностью, с какой они достаются выброшенным на необитаемый остров, так что, при Вашем воображении, мой конверт, вероятно, покажется Вам бутылкой! <...> Событий со мной не происходит никаких. В городе я не была и не буду до самого отъезда, никого, кроме своих, не вижу, но оттого, должно быть, что я отдохнула, чувствую себя так, как будто у меня впереди радостная и важная работа, к которой нужно как можно скорей приступить. Первые

две недели я ни о чем не думала, было жарко, легко, спокойно, и я просто дремала, а сейчас много, много и часто думаю о Вас, думаю неясно, радостно и с благодарностью, думаю о Москве и, конечно, немного нервничаю. Не хочется оторваться от моря и хочется Ваших глаз, умных и добрых, хочется Вашего голоса и я, о ужас! летом в мою любимую жару считала дни. <...> Хорошо тут так, что я все время думаю о том, что за такую красоту и радость можно зимой и пострадать, если суждено за все платить. Я часто вспоминаю, как Вы, сидя у окна Студии, советовали мне чаще смотреть на Москва-реку, чтобы сохранить радость от нее и для зимы, а я все время думаю о том, что Вас нет здесь и что Вы-то больше чем кто-либо могли бы насладиться морем и солнцем, и Вам не мешало бы очиститься от московской скверны. Только, милый, здесь надо "хорошо лениться", а я теперь вижу, что ничего не делать и лениться это тоже трудно, так как я часто не знаю, где кончается беспечная радостная

лень и начинается острая, тревожная, страшная тоска. Она здесь усиливается еще и тем, что нигде и никогда я не видела такого контраста между красотой природы и безобразием человеческих дел. Уцелевшие жилища такая редкость, что не развалины, а они вызывают жалость и недоумение. И все же мне хотелось, чтобы Вы все это видели... <...> Ну, теперь скоро... Будьте здоровы, родной, да хранит Вас Господь.

Ваша Нета

<без даты>

Мой добрый, родной, если б Вы знали, как мне хорошо сейчас. Я только все время думаю, что за такую радость и покой, должно быть, жестоко придется расплачиваться. Но пусть... Никаких мыслей в голове; солнце сделало меня совсем здоровой и счастливой. <...>

Представьте мое огорчение, милый, когда я узнала, что теперь на Фонтане нет почты и письма не приносят на дом. Мне все кажется, что Вы уж написали мне и теперь письмо начнет странствия. Пишите, родной, по такому адресу: Одесса, Раскайдальовская, 8, кв. 9. <...>

<без даты>

Милый, родной мой Зимек, как Ваши дела? Мысли о Вас туманят горизонт моего бездумья. <...>

У нас здесь, на Фонтане, все как будто по-прежнему и вместе не по-прежнему. Пустые дачи... все мысли, дела и надежды сосредоточены на будущих уроках. Напряжение сил огромное, такое, как бывает, когда ставка — жизнь. Я после зимы сразу почувствовала себя ослабшей и не могу еще собрать себя как следует. Начала работать, но словно сквозь сон... Чувствую, что силы мои восстановятся скоро, потому что, хотя и нашим очень трудно, — питаюсь я все же регулярно, чем в Москве, а главное — солнце и море, которые действуют на меня чудесно. Вода теплая, погода ровная, хорошая. Пожалуй, слишком жарко. Боюсь, что не доживу до сентября, так как не хочется быть в тягость, а жизнь невероятно дорога. Пока решила об этом не думать и каждый грамм сил и здоровья копить впрок. <...>

<без даты>

Мой милый, милый, добрый друг, сегодня неделя, как я приехала, и первый день, когда я предоставлена самой себе. Все время живу на даче, но как-то не чувствовала ее, так как у

мамы окончились занятия, и все время к нам приезжали с прощальными пикниками. Я старалась быть любезной и помогала в хозяйстве, а Вы знаете, как я это люблю... Но сейчас все уехали в город, тихо, радостно, и я с удовольствием думаю о том, что через несколько часов стану прохладно, я пойду в Люстдорф, море будет слева, степь справа, потом опущу письмо в ящик, и оно пойдет к Вам. Произойдет "смычка" между Москвой и Одессой.

Кстати, украинское население очень смущено словом "смычка", т. к. украинский глагол "смыкати" значит "очищать".

<...> Мне пока сейчас очень хорошо, живу в состоянии бездумности, бездеятельности и беспечности, но все эти три "без" я себе спокойно разрешаю, потому что летом в Одессе все так живут, так что никто ни словом, ни делом не может послать мне упрека. Одесса понемножку разрушается, но это стало ее особенным состоянием, пока тихо, безмятежно — и прежней кипучей жизни в порту еще, по-видимому, нескоро суждено возродиться. <...> Будьте благословенны.

Ваша Нета.

Одесса Большая. Фонтан Станция Ковалевская Дача Бовшек  
Анне Гавр. Бовшек

14 июня 1924

Зимик, Зимик — нехорошо так долго молчать. Я очень хорошо знаю состояние, когда не пишется, но и тут можно как-то овладеть собой. Я понимаю, что Вам нечего беспокоиться обо мне, но письмо мне нужно не ради меня, т. е. я хочу знать — о Вас, а не о себе. Остались Вы и без денег, и без работы и, конечно, меня точит мысль о Вас. Солнце, море и все вокруг так же чудесны, как в прошлом году, но какой-то легкости, какая была в прошлом году, нет, — быть может, я обнаглела и не так страстно ощущаю природу и отдых, а быть может, что-нибудь предощущаю... хотя нет — и тревоги нет... сказала бы, совсем живу бездумно, если бы не думала о Вас... Вчера ходила с компанией гулять далеко-далеко, на обратном пути зашли в Люстдорф выпить пива... вдруг за соседним столиком Ценин с какой-то дамой... что он делает в Люстдорфе, не понимаю; он что-то болтал о рыбном промысле, будто поселился на берегу, как рыбак, в шалаше, и стал ловить рыбу с кем-то в компании, потом будто их разогнали, и так

кончилась его трудовая жизнь. В качестве нетрудового элемента он по-видимому чувствует себя тоже хорошо... толст и весел. <...>

Ваша Нета.

Одесса Б. Фонтан 16 станция

6 августа (?)

Зимек, друг мой, — надо писать, хоть разбирает лень; не то следующий почтовый пароход, пожалуй, не застанет Вас в Коктебеле... Расставшись с Вами, я сразу впала в молчание... <...> В последнюю ночь плавания поднялся хороший ветер, и, наконец, настала пора качки, к которой Вы взывали. Пассажиры присмирели и стали с нетерпением ждать Одессы. Приехали в 6 часов утра. Небо черное от туч, море черное от волн и проливной холодной дождь. Бедный Мандес, во все время своих странствий ни разу не раскрывавший зонта и добросовестно таскавший его, в самую нужную минуту отдал зонт мне. Пришлось взять — так как он действовал энергичными убеждениями, и я поняла, как важно и хочется ему быть джентльменом. Теперь боюсь за него — с тех пор не видела, — несмотря на его огромный зонт и пальто, я вымокла, пока добралась... <...> Как назло, в порту нет прикрытия, а в город извозчик едет шагом по мокрой горе. Дня три в Одессе было холодно — сейчас неясная, мягкая, теплая погода, которую я особенно ценю после кавказской жары. В голове появились мысли — и пока неплохие... Я на юге начала было побавляться хронического отупения... <...>

Милый Зимек, как чувствуете себя Вы, как встретились с Макс-*«имиланом»* Ал-*«Александровичем»*? Кто из Ваших знакомых живет там и как Ваше настроение? Читали ли Вы что-нибудь из своих работ у М. А.? Поминаете ли Вы меня и как? Должно быть, Ваша подруга сейчас "задумчива лень" — да будет она благословенна и верна Вам во все дни отдыха... <...>

Пока целую Вас нежно и крепко.

Ваша Нета.

<без даты>

Мой милый, милый, мой добрый друг, из того, что я пишу Вам, Вы можете смело умозаключить, что со мной не произошло никакой катастрофы в дороге. От Киева до Одессы становилось все холоднее, так что на Фонтане меня встретила совсем суровая погода. Солнце сконфуженное и запрятавшееся в тучи... Правда, оно смеется с каждым днем и начинает греть понемногу. Вчера я уже купалась и делала вид, что лежу на солнце, но загара не произошло. <...> Сейчас материальные дела наших неплохи, но зимняя кампания у них была настолько тяжелой, в смысле безденежья, что они чинят старые про-

**Вадим ЯРМОЛИНЕЦ**

## Энергия и эклектика Ильи Шенкера

В свои 85 лет Илья Шенкер говорит, что ежедневно проходит около десяти километров. Утром он выходит из своей манхэттенской квартиры на 33-й и Лексингтон и идет на север кварталов 20-30. Маршрут, по его словам, определяется светофорами. Он просто следует зеленым сигналам. Иногда поворачивает на запад, к Гудзону, иногда на восток, к Ист-Ривер. "Движение помогает сохранять бодрость и здоровье, — говорит он. — Я уже не помню, когда был у врача". Помимо многокилометровых прогулок бодрость ему помогает сохранять купание в океане. Илья рассказывает, что начинает сезон в начале апреля и купается до начала декабря. Он начал такие купания еще в Одессе и сохраняет верность "моржовому" образу жизни в Нью-Йорке.

В нью-йоркской галерее "Грант" прошла выставка работ Ильи Шен-

кера, в которой, как в зеркале, отразилась география жизни художника — от солнечного одесского пляжа до размытых вечерним туманом силуэтов манхэттенских небоскребов.

Илья родился в Одессе, после войны поступил на архитектурный факультет строительного института, а параллельно посещал занятия в Грековском училище. Получив диплом архитектора, он отдал этой профессии всего несколько лет, предпочтя ей труд художника. "За моим выбором стоял обычный человеческий эгоизм, я хотел делать то, что люблю, — объясняет художник. — И я никогда не стремился чему-то научить своего зрителя, объяснить ему что-то. Если бы я пошел по этому пути, то уж точно не смог бы делать то, что мне нравится". Его собственный художественный язык сформировался под влиянием очень разных мастеров. Это Леонардо да Винчи, Ремб-

рандт, Суриков, Серов и Врубель. "Суриков для меня бог", — признается он, и это признание в любви звучит другому — пристальному интересу к мировой истории. "Я вырос в русской культуре, и мне всегда была близка русская образность. Точно так же мне интересны темы Ветхого Завета. В США, где я стал больше узнавать об американской истории, увлекся и ею. Это все — история человечества, наша история".

Еще одним живительным источником вдохновения была Одесса. "Для меня Одесса — это бульвар, круглые дома, лестница. То, что зовется одесским ампиром, — легкая, южная архитектура. К сожалению, она недалеко ушла за пределы бульвара. Если бы это произошло, то Одесса мало отличалась бы от лучших городов Средиземноморья".

После отъезда в 1974 году Шенкер побывал в Одессе всего лишь

раз — в 1988-м. "Тогда город еще мало изменился по сравнению с теми временами, когда я его покинул, — вспоминает он. — После того визита я не испытывал большого желания посетить его. То лучшее, что в нем есть, живет в памяти. Мне этого хватает". То лучшее, что живет в памяти, помимо воли художника покидает реальную жизнь.

В бруклинской студии Шенкера я увидел небольшую работу, которая неожиданно вызвала у меня ностальгическое чувство, — уголок Нового базара: старые скобяные, как их называли, лавки; деревянные стены, крашенные зеленой и коричневой краской, листы крашеной жести на крыше; серьезные мужчины в кепках и ватниках, сосредоточенно считающие пачки рубчинок; полутемные сырые внутренности помещений, где каждый гвоздь, каждый обернутый промасленной бумагой инструмент

— клещи, молоток, отвертка — не были предметом быстрого, разового использования, а представляли собой пожизненную ценность. Сейчас это мир уничтожен, застроен тесным лабиринтом бетонных стен, забит бросовым товаром южноазиатского производства, от многоцветья которого рябит в глазах.

Возможно, ностальгическая тема получила бы большее развитие в творчестве Шенкера, окажись он в другом городе, но эмиграция занесла его в Нью-Йорк. "Я все чаще смотрю вверх, — рассказывает он. — Эти силуэты высотных домов, эти стеклянные кубы и башни невероятно захватывают. Это как другой мир. Как это сочетается с моей любовью к одесскому ампиру? Очень просто. Здесь, в Нью-Йорке, двигаясь по улице, ты часто натыкаешься на здания, которые вполне вписались бы в одесский городской пейзаж".

Эклектика и энергия — две, вероятно, наиболее выраженные черты, присущие Нью-Йорку. Они в полной мере присущи жизни и творчеству Ильи Шенкера.

НПСЛОВО

хи. <...> Деньги приносят на дом и паспорта не спрашивают. Оказалось, что удостоверения у всех просрочены, так что мы все одинаково грешны, но это не играет роли. <...>

Меня мучит то, что самый благополучный из периодов моей жизни каждого года совпадает с Вашим самым неблагополучным, и моя беспомощность в этом вопросе меня убивает. <...> Знаю, что ничего хорошего не предвиделось, но ведь спасение от клещей всегда у нас с Вами нежданно и не с той стороны, где хлопотали. <...>

14 августа (?)

<...> "...иду на вы!" Думаю я выехать 28-го, в пятницу, значит, в воскресенье, 30-го буду в Москве. <...> Чувствую, что я, как говорится, одной ногой уже

если не в Москве, то на вокзале. Такому ощущению способствует и резко изменившаяся погода. Только-только <было> тепло, а ветер уже гонит перед собой желтые листья, забирается в трубы и поднимает на море волны. Не рискуя купаться: вода теплее воздуха. Я с жадностью хватаюсь за последние лучи солнца и голубые куски неба. Говорят, что такая погода бывает здесь только в конце сентября, в начале октября. Ваш соперник — солнце — совсем бессилён, он не удержал бы меня и двух дней, если б ему не помогали все наши. Когда я думаю о Москве, я чувствую большую, большую радость от встречи с Вами и в то же время знаю, что попаду в тучу мелких забот, которые кусают меня, как комары или москиты... Ну, что же, за все надо платить!.. Прощай, фонтанское солнце! свети,

московское!!! (чтоб было легче московскому, я поставила три восклицательных знака за ним). <...>

18 августа (?)

<...> Как встретила Вас Москва?.. Брюзгливая, недобрая старуха — она всегда готовит какой-нибудь сюрприз, и я, приближаясь к ней, стараюсь угадать: какой... всегда тревожно. На этот раз осенние новости хороши, и я приободрилась. Любимый мой, Вы знаете: если Вам будет хорошо, должно быть хорошо и мне. Мы столько раз сдвигались бокалами с вином в одном и том же желании, что, может быть, в конце концов, мечта обратится в реальность. Виделись ли Вы с Евдоксией Федоровной и что слышно по поводу Ваших тех книг. Каково на том

фронте? Что узнали от Сергея Дмитриевича и от "Земли и Фабрики", виделись ли с Нарбутом? Все это меня чрезвычайно волнует. Хорошо было бы сейчас сидеть на диване, держать Вашу руку, следить за прыгающей над бровью мыслью и слушать подробно-подробно — что Вам сказали и как Вы ответили. <...> Говорят, в Москве ужасная погода... <...> Здесь, напротив, погода установилась, дни стоят нежные, мягкие, ночи теплые, море фосфоресцирует, и я по вечерам держу в руках его черную блестящую пену... Милый, горячо-горячо целую Вас.

Ваша Нета.

25 августа (?)

<...> Волнуешь перед отъездом, как школьница... Но это всякий раз,

когда мне приходится надолго расставаться с морем. Одесса на этот раз была мне особенно дорога, и я думаю — исключительно потому, что я перед ней получила для души пищу и потому что рассталась с Вами только на месяц. Больше всего я рада душевному равновесию — последние годы оно было самым уязвимым моим местом. Зимек, милый, защитите меня в Москве.

Привет моему доброму другу, господину Жилету. Он всегда в трудные минуты находил для меня слова утешения, согревал в ненастные дни и занимал в долгие зимние вечера. Милый, добрый друг — мой привет ему. Надеюсь, Вы не ревнуете к нему? Ведь Вы же сами признались мне, что и Вы тоже даже летом не можете обойтись без Него. <...>

**Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ**

## Золотой берег

У лукоморья дуб зеленый. Цепь, однако, не золотая, а железная, протравленная ржавчиной, притянула дуб, или дубок — как называют его обитатели Золотого берега, — неуклюже тупоносое рыбацье судно с двойным дном и зубастыми уключинами, к деревянному вбитому в песок колу. Дубок выставил свое деревянное брюхо под прямой удар золотых лучей солнца, — и длинная кисть лениво ползает по его жабрам, густо смазывая их смолой.

В двадцати шагах от запрокинувшейся кверху брюхом лодки лежат люди — пупами в небо, их животы и плечи тоже смазаны зеленой или черной глиной, а уключины пальцев лениво вытянуты вдоль бортов тела. И люди, и лодки берут солнечные ванны. Еще сотню шагов влево — и на торчащих из моря камнях (их называют здесь грядками) неподвижные фигуры людей с удочками, страстных бычкоистребителей, "зловеев царства водяного", как их называет одна из крыловских басен, на шее почти у каждого из рыболовов мокрый мешочек с наживкой, острохвостыми рачками или мелкой тюлькой. Рачки ловят сачком, а то и просто своими же трусиками, обмотанными снизу веревкой.

Злодеи водяного царства разбиваются на две партии. Одни работают длинными удилищами с длинной лесой; другие обыскивают впадины дна короткими "стрекачами", палками с приделанными к их концу двумя или тремя крючками. Дело в том, что бычок любит вести уединенную, почти отшельническую жизнь, забываясь в каменные щели-пещеры вблизи берега. Отсюда его и выдергивают крючки стрекачей.

Иные, более предприимчивые рыболовы, называвшие сотни крючков на длинной нити, называемой перементом (работают перементом обычно вдвоем), взяв в зубы с двух сто-

рон унизанную крючками нить, отправляются вплавь навстречу волнам. По пути они умудряются переговариваться, переметываться словами, не разжимая зубов, четырех челюстей, меж которых затянуты концы снарядов.

Есть еще много способов напасть на рыбу, рыбищу и рыбешек. По ночам бурлит воду пестрыми свинцовыми пластинками, так называемым самодуром. Длинными, пятисотметровыми руками охватывает слева и справа весь берег японский невод, скипаси. Скипаси заставляет рыбу ткнуться носом в сеть, удариться о плоскость, пока она, ища выхода, не влывет в мотню, в сетчатый мешок, откуда уж ей назад никак.

Здесь, на пляже, в золотых икринках песка, стоят пять-шесть деревянных грибов и десятка два коротеньких ванн. Под грибами черные тени, норовящие уползти и нырнуть внутрь влажного песка. На ваннах — зазывающие имена: Нина — Шурик — Арончик — Толя — Рая — Дуня.

Двое отцов семейств спускаются с горы к пляжу. В их руках — шесть или семь цепляющихся за пальцы маленьких ручонков.

— Вы знаете, Федор Абрамыч, "Дуня" — это вроде как символ: Д У Н Я; дураков у нас нет.

— Ну, а я?

— Про вас, извините, никто и не подумал.

Вдалеке проплывает военное судно.

— Папочка, это что-то похожее на уют.

— Да, Наташенька, это вроде как для разглаживания волн. Чтобы нам легче было купаться.

Крохотный мальчик поймал майского жука. Он сидит голубыми трусиками в желтый песок и пробует оторвать у жука щупальцы и желтую элитру.

— Дядь, а дядь, я первомайского жучка спыймал.

Пара. Ей под тридцать, ему едва набеголо двадцать. Он откусил колючему рачку хвост и размахнулся удочкой, чтобы бросить крючок в воду.

Она:

— Сёма, море такое — умереть не очень хочется.

Сёма выплевывает застрявшие меж губ рыжие волосики рачка.

— Сёма, слушай, Сёма, жить бы, умереть и попросить еще.

Сёма вытирает мокрые брови и отворачивается.

— Слушай, Сёма, будь я девушка, и если ты словишь хоть одного бичка.

— Здравствуйте, Клара Марковна.

— А, здравствуйте, без пиджака вас трудно узнать.

— Ну, как ваши? Пишут? А как ваши ноги?

— Благодарю вас. Ноги болят лучше. А ваша спина?

— Ее дело — быть сзади. Привет Марк Марковичу.

Рядом с зелеными трусиками лежит мешок, из полураскрытого полотняного рта которого торчит несколько огурцов. Сосед владелицы огурцов, раскачивая в такт словам ногей, поучает:

— Огурчики надо покупать, когда с моря низовка, а чуть повеяло горишником — огурцу это не нравится, он сразу морщинистый и желтый.

Мы все — купальщики. Всякий — в меру силы рук и в меру фантазии. Цена нам равная — со спортивной точки зрения. Даю краткий прейскурант:

а) *Плывущие враспашку*. На них полутрусика. Тела цвета дубовой коры. Бросаются не в воду, а прямо в горизонт. Бьют ладонями по волнам, по-дельфиньи ныряют — и через минуту они уже за линией баке-нов. На берегу их терпеливо дожи-

дается недочитанная газета и коробка с папиросами.

б) *Лягушатники*. К этому классу пловцов принадлежу и я. Я, как и все мы — люди лягушачьего класса, — плыву, разводя руками врозь, и толкая пятками воду вспять. Плы-вем мы медленно, доплываем до деревянного поплава с надписью "дальше плыть воспрещено" и, искренне радуясь воспрещению, поворачиваем пятки к Трапезунду, а голову к прекрасному берегу Большого Фонтана. В десяти метрах от берега мы хлопаем себя по плечам, массируем свои ребра и пропускаем сквозь горло десяток глотков соленой воды.

в) *Окунальщики*. На каждой руке — по ребенку. Сзади, с берега, благословляющий жест толстогрудой жены. Входят в море по пуп, окунают детей. Дети пищат и плачут. Возвращаются назад. Вместе и жены, и они растирают простынями пухлые ребячьи тельца, обмоывают им пяточки от приставшего ила и отползают назад, к деревянным грибам.

г) *Ладонщики*. Задом к Трапезунду — лицом к Одессе. Ладони уперлись в рыхлый песок, ноги взбивают буйную пену. Им кажется, что они плывут, что они уже пересекли море от берега к берегу. В глазах их восторг. Выйдя на берег, они ложатся лицом в песок и долго не могут наладить дыхание.

д) *Щиколотники*. Обычно это или пожилые люди, или дети, боящиеся волн, бьющих водой и пеной. Они входят в море по щиколотку. Они растерянно и робко улыбаются. Глаза их говорят: ты такое большое, такое сильное и синее, а я — варианты — такой уже слабый, или такой еще слабый; подожди, пока я умру, или подожди, пока я вырасту и стану большой, как волны.

е) *Брызгальщики*. У брызгальщика — жирное слоеное тело в поперечных складках. На левой руке черные часики. "Купаться? Нет, мне нельзя, я только так". Складчатый человек наклоняется над прибором и брызжет себе на лицо и на соски груди немножко соленых капель. Он улыбается. Он почти счастлив. И он, как другие, почти купался в этом, за горизонт уходящем, шумном и синем море.

ж) *Не знаю, как назвать*. Мальчик Юра. Родители, лежащие в тени гриба, запретили ему даже близко подходить к мокрому морю. Ни-ни! Но мальчик подбегает к пенной оторочке волн, протягивает короткие руки, манит на себя волну и, когда она, шурша камешками, бежит на его зов, мальчик со смехом и вскриками страха отбегает назад и прячет лицо в коленях матери.

Ну вот, трусики мои высохли. Белеет парус, но он не ищет страны далекой, а возвращается назад к берегу. Я поднимаюсь по крутой дорожке к трамвайной станции. Слева киоск со всякого рода водами. Но над окошком привычное, в одно слово: ВОДЫНЕТ.

Местные жители так и говорят: "В водынете воды нет".

Дальше идут куцые дачки. На одной из них — надпись пожелтевшая и ободранная: "Если вы страдаете запахом ног и их потением, можно избавиться из одного раза и навсегда. Просьба убедиться. Одесса, Средняя ул., 11".

Поднимаюсь к станции трамвая, там сходятся большефонтанные и одесские вагоны. Тут, у стыка, два крохотных буфета. Официантка перебегает от стойки к стойке: "Веранда, вы, веранда, разменяйте рубль". На грязноватых подмостках — грязнущие бутерброды с надписью: "Домашка — 67 коп. за одну". Под домашку запрокидываются стаканы с водкой. Старик-рыбак закусывает не только домашкой, но и хамсой.

На крутом подъеме от моря к трамвайной станции — длинный, стоящий боком к пляжу дом. Тут вода всегда есть, потому что это заведение морских ванн, трубы которого глотают влагу прямо из моря. И полная краснолицая женщина, заведующая ванными процедурами, в день особого — чаще всего по праздникам — наплыва посетителей то и дело вторгается в длинную очередь у окошка кассы и кричит: "Товарищ касса, прекратите билеты. Ну, хоть на четверть часа, их столько, что на них Черного моря не хватит!"

Лето 1939

Публикация Веры КАЛМЫКОВОЙ и Вадима ПЕРЕЛЬМУТЕРА.

**Специально для жителей жилмассива Таирова**  
**учебный комплекс «Тиква» - «Ор Самеах»**

**объявляет набор**  
**в детский сад и 1-й класс**

**(филиал школы расположен на ул. Ильфа и Петрова, 38).**

**Справки по тел.:**

**777-15-64, 34-07-19, 731-10-67**

**Лицензия АБ № 117142 от 19.01.2005 г.**







Мария ГУДЫМА

## БОЛЬШИЕ ДЕТИ

Юлия и Геннадий — брат и сестра, но впервые попавшие в театр зрители, усмотрев в программке одну и ту же фамилию, принимают их за супругов. Уж очень они разные, непохожие. Он — сдержанный, суховатый, она — яркая, взбалмошная. При этом оба — актеры, оба — любимцы публики. То и дело им приходится играть в одних и тех же спектаклях, а бывало и так, что брат осущестлял постановку, приглашая на роль сестру. Они не устают подшучивать друг над дружкой, но при этом, как и полагается родным людям, очень ценят все, что делает и умеет каждый из них. Конечно, когда у трехлетнего Геня появилась младшая сестричка, он поначалу безумно ревновал и не понимал важности момента, но сейчас это, безусловно, самый дорогой для него человек. Мужья, жены и дети — дело, в общем-то, наживное, а вот братские узы от личных усилий человека не зависят, ими особенно надо дорожить. О них сложно рассказывать. Начнешь говорить об одном и тут же сбиваешься на другую. Уж очень тесно переплелись их судьбы, человеческие и театральные. Многие думают, что актеры, вышедшие из театральной семьи, работают в каких-то особых условиях, а на самом деле о них судят строже, воспринимая сквозь призму талантов их родителей. И что-то доказать на сцене Геню и Юле психологически бывает сложнее, чем многим их коллегам...

Четыре года назад Геннадий Скарге было присвоено звание заслуженного артиста Украины. На тот момент он был одним из тех, кто, простите за каламбур, давно заслужил это звание. Взять хотя бы его послужной список. На первый взгляд, он пестрит именами персонажей иностранного происхождения. Шотландец Малькольм ("Макбет"), немец Аренгейм ("Антихрист"), грек Герострат ("Забыть Герострата"), англичанин принц Уэльский ("Кин IV"), испанец Маурисьо ("Дерева умирают стоя"), поляк Кароль ("Мужчина"), американцы Брик ("Кошка на раскаленной крыше") и Ричард ("Любовник")... А больше всего французов: Эраст ("Единственный наследник"), Жак Гастон ("Странный этот мсье Жак"), Юбер Дарсэ ("Загнанная лошадь"), Франк ("Убийство — дело семейное"), Камилл Севинье ("Следствие на стороне дуры"), месье Жиру ("Школа налогоплательщиков").

Юлю режиссеры охотнее всего видят в ролях колоритных итальянок и французенок (уже названные "Школа налогоплательщиков" и "Странный этот мсье Жак", "Дом сумасшедших", "Классное дельце", "Школа жен"). Небольшая роль графини Трусаль дю Труссо в как-то уж очень стремительно сошедшей со сцены постановке продюсерского центра Александра Жегалова "Лекции о нравственности" по Фредерике Дара позволила раскрыть весь диапазон возможностей актрисы. Вот она — рафинированная аристократка, ослепительно красивая дама с изысканными манерами, истинная салонная героиня. А вот вскрывается правда о ее прошлом, и лжеграфиня, подбочившись, осыпает бранью своих собеседников. Юлия бесподобна в ролях вульгарных особ. Совершенно неотразима. Яркая внешность, чуть хриплый голос, шаловливые повадки на сцене буквально "рвут" зал. А в жизни она несколько стесняется своего сценического имиджа. Мо-



Геннадий Скарга в роли Флориана ("Пляска Чингиз-Хаима")

жет, напрасно? Кислая, скучная добродетель на самом деле никому не интересна, вот порок всегда привлекателен. Нет ничего великолепнее вульгарной женщины с ее бьющим в точку простонародным юмором. Одесситка Двойра из "Заката" по Бабелю долго была коронной ролью Юлии Скарги.

Но вернемся к ее брату... Удивительно, но в пьесах отечественных авторов Геннадий тоже поручались чаще всего образы иностранцев. Однако есть и "свои" — Бенья в "Закате", Саша в "Детях Арбата", кооператор Рома в "Золотых временах", офицер Советской Армии в спектакле "Приказано умирать медленно". Вспоминается еще фантазмагорическая Тень в быстро сошедшей со сцены трагикомедии по Шварцу "В нашем милом королевстве". Бог велел артисту играть роли русских интеллигентов, а репертуар почему-то не велит. Вот и в "Чайке", поставленной в ушедшем сезоне Алексеем Литвиным, роль Тригорина досталась не ему. Более того, его кандидатура на эту роль даже не рассматривалась. Досадно!

Проблема в том, что Геннадий относится к числу личностей, диктующих условия общения с ними. В хорошем, разумеется, смысле. Невозможно представить себе, чтобы он повысил голос на собеседника (хотя на сцене, бывает, срывается на крик, что не всегда на пользу роли, но объясняется недюжинным сценическим темпераментом). Да и собеседник, в свою очередь, должен говорить вполголоса, а резкие жесты и вульгаризмы поберечь для другой аудитории. Перенеся свою манеру общения на сцену, артист мог бы убедительно играть персонажей из высшего света, на худой конец — из научных кругов.

ту"), и у зрителя пойдет процесс сопереживания. Или неприятия. Не без того. Потому что убедительно страдать на сцене наш герой умеет, критики любят писать о его "бездонных" глазах, в которых — "вселенская боль и вселенская тоска".

Не всем зрителям это по нраву. Возможно, какая-то часть публики потому и недолюбливает Геннадия, что уж очень редко его герои самодостаточны, удачливы, улыбкивы... Время нынче такое, что персонаж с растерзанной душой раздражает — у каждого сидящего в зале своя драма. По сравнению с этими невидимыми миру слезами коллизии иных пьес попросту смешны.

Раздражать может и кажущаяся легкость жизненного и творческого пути самого Скарги. Как же, родилась в известной театральной семье (блестящие артисты Борис Ильич Зайденберг и Альбина Васильевна Скарга, увы, уже ушли из жизни), выдержал конкурс в 250 человек на место при поступлении в Школу-студию МХАТ, ролями до недавнего времени обделен не был... О том, что за всем этим стоит колоссальный труд, предпочитают забывать. На самом деле, дабы не быть обвиненным в том, что утверждает в театре под крылышком отца, Геннадий по окончании вуза несколько лет проработал во Владимирской драме, приобрел имя и опыт, и только тогда приехал работать в родную Одессу. Юлия, окончив ГИТИС, довольно скоро оказалась в Одессе. Папа видел в ней героиню, переживал, когда ей неизбежно доставались характерные роли, даже подготовил с Юлей роль Марии Стюарт в спектакле по пьесе Петрушевской "Ваша сестра и пленница" (театралы тут же окрестили постановку "Ваша сестра и племянница"), но... Роли героинь сковывали молодую актрису, в них она выглядела бледной, неинтересной. Темперамент куда-то пропал, а с ним — и обаяние. А вот Геннадий, наоборот, на сцене стоит помнит о том, "как важно быть серьезным...". До сих пор, выходя на сцену, он старается играть так, словно в зале сидит отец, самый лучший учитель и самый строгий критик.

У создаваемых артистом героев есть нечто общее — все они "держат в уме" некий идеал, но им, все знающим, битым смолу жизни и лишены иллюзий, очень трудно следовать этому идеалу, сохраняя, а главное — обнаруживать красоту

шел через ряд эпох, начиная от античности, чтобы оказаться в современной Москве, разбить еще несколько женских сердец и пережить крах всех своих жизненных идеалов. Многие сошлось в этом театральном пасьянсе для Скарги, и прежде всего, удачу определила встреча с режиссером-единомышленником, личностью сходных духовных поисков. Что греха таить, до сих пор частенько приходилось на премьерных спектаклях играть так, как то угодно приглашенному режиссеру, а уж после отъезда последнего начинать "вязать кружева", по меткому выражению Фаины Раневской. Одну из подружек Дон Жуана сыграла Юлия. Это был ударный эпизод. Она величественно являлась к любовнику в невообразимом наряде с боа (о Верке Сердючке тогда и не слышали!), обольщала его при помощи корзиночки с продуктами и обнаженных ножек. И как же сочувствовал ей зал, когда она удалялась в слезах, обманутая в своих ожиданиях, проигнорированная терпящим былую ловкость соблазнаителем женщиной!

Но Миша Горевый уехал, и в театре все пошло по-старому. Пожалуй, стремление наиболее полноценно выполнять свой артистический долг и подвигло Геню на режиссерские опыты.

Постановки Геннадия на родной сцене имели как критиков, так и сторонников, но это были ценные как для него самого, так и для театра эксперименты, и наибольшая его удача на поприще режиссуры — спектакль по пьесе Гарольда Пинтера "Любовник" — обнаружила проблему. Оказывается, блестяще исполняя главную роль, Скарга все же не добивается от своих партнеров должного видения их задач. И это сказывается на художественном результате, на целостности спектакля. Мастерство режиссера имеет свои секреты, и главный из них заключается в том, каким образом повести за собой исполнителей... Правда, Юлия, сыгравшая роль жены героя, "прекрасной шлюхи" (тема сексуальных игр в жизни добропорядочного семейства оказалась для нашего общества новой и шокирующей), была на высоте. Она перевоплощалась во всех женщин, каких только желал видеть в ней супруг, от уличной искательницы приключений до чопорной обительницы гостиных Мэри. Юлия в последние годы хороша без преувеличений в любой постановке. Претензии могут возникнуть к режиссеру, но не к ней. Шарлотта в "Вишневом саде", Бетси в "Анне Карениной", Маша в "Чайке" неизменно срывают аплодисменты зрительного зала. Анна в "Последней остановке" по Ремарку (хотя от Ремарка в спектакле сохранились разве что ремарки) тоже трогают зрительское сердце, а бенефисную роль Тамары в "Конкурсе" по Галину ("Я сюда с аккордеоном пришла...") актриса наверняка будет играть еще очень долго, несмотря на то, что спектакль уже шесть лет не сходит со сцены!

В последнее время Юлия более востребована в театре, нежели ее брат. Время, что ли, такое, руководство театра в чем-то недальновидно... После лирической роли в "Листе ожидания" по пьесе одесского драматурга Александра Мардана Геннадий Скарга долго не получал новых ролей. Вплоть до нынешнего сезона, когда Олег Школьник ввел его на роль загадочного злодея Флориана в своем спектакле "Пляска Чингиз-Хаима". И хотя актеру хватает занятости на телевидении, где он озвучивает рекламные ролики (еще бы, мхатовский выговор!), режиссирует передачи, основное место его должно быть на сцене. Он вполне заслужил право на создание моноспектакля, во время которого ему на сцене никто своим присутствием не помешает. Это могло бы раскрыть новые, до сих пор не познанные грани его таланта постановщика и исполнителя. А еще не приходится сомневаться, что любая его роль в чеховской постановке стала бы событием. Главное, чтобы это был тот самый русский интеллигент, которого так долго репертуар играть не велит...

Фото Олега Владимирского.



Юлия Скарга в роли Анны ("Последняя остановка")

У артистов странная судьба. В ней слишком многое зависит от среды, репертуарной политики театра, постоянно изменяющихся величин под названием "возраст" и "внешность". Однако еще Немирович-Данченко подметил, что репутация актера складывается по количеству не сыгранных, а созданных им ролей. В случае Геннадия Скарги можно ставить знак равенства между тем, что исполнено, и тем, что оказалось интересным публике. Скарга может спрятаться на премьерном спектакле за внешнюю характерность, налегать на голосовые связки и пережимать, но уже на втором-третьем непременно пробьет здоровое мхатовское "зерно", характер, отыщется нотка ("тянешься всю жизнь, как травинка к све-

своей личности. После роли Бени Крика в бабелевском "Закате" пришлось услышать, что герой Скарги, независимо от драматургической основы, всегда жесткий, нервный, рациональный, ироничный... А потом спохватились: разве не рационален, не рассудочен Эраст в "Единственном наследнике" Реньяра, несмотря на свой расшитый камзол и пудренный парик? Мхатовская школа предполагает наивную для некоторых теоретиков нашего времени веру в характер, мало меняющийся с течением столетий. И Геннадий эту веру вполне разделяет.

Получив этапную роль Дон Жуана в пьесе Эдварда Радзинского "Последний Дон Жуан" (постановка Михаила Горевского), артист оказался в своей стихии. Его герой про-

Гордей ЛАН-КИТЧЕР

## СУХАЯ ВЕТОЧКА ПЛАТАНА

Любимым цветком Карташова, вне зависимости от времени года, был одуванчик. Не периода его самодурного размножения, когда пушистые белые головки, раскачиваясь порывами ветра, отпускают в самостоятельную взрослую жизнь крохотные семена, каждое на маленьком и беззащитном парашютике. Он любил весеннюю жизнь этого цветка. Тугая и удлинённая яркая зелень бутона раскрывается неожиданно яркой желтизной, и она осыпает маленькими солнышками зелёные поляны, крутые и пологие спуски к морю, забирается в унылую протяжённость трамвайных рельсов. Ранние цветки в окружении остроколючих узорчатых листьев тянутся к теплу весеннему солнцу и сверху кажутся ему веснушками на лице южного города.

Уже почти три часа Карташов старательно выдергивал злую пополь, заглушающую маленькие аккуратные кустики садового растения с нежным и трогательным названием — "маргаритка". Выдергивал и размышлял. Мысли текли плавно и соответствовали размерности его движений.

С латинского звучное женское имя Маргарита переводится как "жемчужина", вспоминал он, а русский язык, добавив свой уменьшительно-ласкательный суффикс "к", превратил это слово в название невысокого стебелька, увенчанного плоской головкой маленькой густой ромашки с желтой серединкой. Маргаритки ему попадались трех цветов: белые, розовые и бордовые. Каждый стебель стоял, облаченный в пышную ярко-зеленую юбочку. И вот на этом парниковом подиуме густо желтели головки любимых им одуванчиков. Здесь это травянистое солнышко — эрнэж, забирающий жизненную энергию у элитарной маргаритки.

Ноги затекли неимоверно. Пришло желание броситься вглубь парника, расположенного на полметра ниже основной поверхности ботанического сада, и тут же исчезло в силу своей невероятности. Карташов осторожно выпрямился, постоял и, оглядевшись по сторонам, отнес несколько низких поклонов в сторону моря. На равном удалении от линии горизонта и металли-

ческой оградой сада просматривались очертания большого сухогруза. Обед начинался через двадцать минут, а пока можно отдохнуть и пройтись по дорожкам, петляющим между причудливо расположенными деревьями. Они стоят парами или по три, из разных широт и разной породы. Но вот прижились, возмужали, а люди, их посадившие и ухаживавшие за когда-то молодыми тоненькими стволами, давно ушли в иное измерение.

Осторожно переступая через буйство нежных комочков, он вышел на твердый грунт, снял перчатки и медленно зашагал под теплым майским солнцем Одессы в прохладу юной зелени миниатюрного смешанного леса. Неспешным шагом обходя вторую, меньшую, часть ботанического сада, часто наклонялся, подбирая упавшие сухие ветки, вырывал уж очень разросшийся сорняк. Здесь он был "у себя", и от него даже зависела некоторая доля прибыли от продажи заботливо выращенных им цветов этого большого зеленого хозяйства.

Хозяйством руководила женщина. И все растения в нем — от могучих деревьев до изысканных тропических пришестьцев — обрабатывались нежными пальчиками одесских женщин-ботаников. А ведь лучшими садоводами издавна считались мужчины. Как и пекарями, и парикмахерами, и ткачами. Не перечислять профессий, перешедших в руки женщины! Мужчины придумывали, создавали и начинали производить... Потом от Рождества Христова минуло много веков, пришел век девятнадцатый, когда из латыни вытащили зашифрованное существование "эмансипация", которое и не сопротивлялось. А зачем? Каждому слову приятно, когда в нем нуждаются и склоняют на разные лады. Досклонялись... В следующем столетии женщины взяли в руки садовые и парикмахерские ножицы, встали у ткацких станков. Освоились быстро и начали все усовершенствовать, так как эмансипация была следствием прогресса. Когда он приходит, космическое тело покидает божественная гармония мира, ибо эти понятия несовместимы, как несовместимы существительные "человек" и "природа". Пришел человек — ушла

природа. Вместо нее теперь царит окружающая среда. Она медленно, но верно убивает человека — пятую расу обитающих на Земле гуманоидов.

Дальше размышлять некогда, нужно было планировать следующую часть своего времени в ботаническом саду. Карташов подошел к любимому дереву — огромному платану. Ствол в обхвате был таких невероятных размеров, что походил скорее на дуб, тем более что отсутствовала привычная глазу одесита кора с белесыми проплешинами. Такие "бесстыдники" поглощают выхлопные газы на Ришельевской и Пушкинской, величественной аллеи они разрослись в середине Адмиральского проспекта, забрели в конце 60-х и на Черемушки, где каждый платан, широко раскинув ветви, переплелся с соседом, и сверху все они напоминают длинную строчку из равномерных стежков, которые умудрилась проложить в спальном районе рукодельница-природа. А у этого гиганта в холодное время года породу можно было определить, только задрвав голову и разглядев чинно висящие шишечки.

Карташов перешагнул невысокое ограждение и, подойдя вплотную, прислонился лбом к стволу. В детстве, проведенном на Ближних Мельницах, он слышал легенду об одесском волшебном платане, возвращающем молодость и силы. Может, этот исполин и есть то самое "молотильное дерево"? Хотелось так думать и стоять долго-долго... Но тут где-то сверху раздался тихий щелчок и что-то аккуратно опустилось ему на голову. Карташов резко отпрыгнул от ствола — рядом с ним на взрыхленную землю упала сухая веточка. Только на самом кончике теплится жизнь: три плотных коричневых комочка — еще не распутившиеся почки. "Он мне ответил, — тут же подумалось Карташову, — но что бы это значило?" Ветку поднял и дома поставил в вазочку с водой.



Весь следующий день Карташов провел за письменным столом, честно планируя завтра опять отправиться в ботанический сад и помочь

милой Верочке в борьбе с высыхающей в тепличных горшках землей — поить гордые орхидеи. Почти двадцать тысяч видов этих в основном тропических растений легко размножаются вегетативно, то есть делением корневищ и клубней, а также черенками и отпрысками, когда-то воодушевленно сообщила ему Верочка. Последний термин рассмешил филолога Карташова, у которого это название ассоциировалось с человеком по отношению к его предкам. Словоохотливая Верочка тут же взяла специальную питательную среду из водорослей филлофоры — агар-агар, добавив нужное количество сахара, витаминов и особенно томатного сока... Здесь Карташов разоблачил такой смех, а потом он так долго кашлял, что Верочка притащила в теплицу термос с чаем и остальные их обеденные свертки. И они вдвоем среди прекрасных цветов в неказистых горшках очень вкусно пообедали и остались довольными общением. Особенно Верочка. А ведь раньше она возражала против такой помощи пожилого филолога, уставшего от чужих рукописей и погибающего от гиподинамии за письменным столом, теперь же стала даже подкрашивать помадой маленькие потрескавшиеся губы.

На этом месте воспоминаний Карташов захотелось есть, и он потащился на кухню, в глубине души надеясь, что все-таки отыщется не замеченный утром хотя бы кусочек какой-нибудь еды. Но в холодильнике было пусто, а в жестяных банках для круп вяло перекатывались не выпавшие в свое время крупинки гречки и пшена. За окном было очень темно и очень тихо. Часы показывали половину двенадцатого. Он лег голодным, зато лежащая на столе рукопись была тщательно вычитана до конца, на страницах густо пестрели корректорские знаки, а редакторские правки были столь обширны, что уже засыпающий Карташов, прежде чем ныр-

нуть в туманные видения, успел подумывать о непременно последующем через месяц очередном звонке известного в Одессе ученого, который будет рассыпаться в благодарностях и опять уверять Карташова, что без него он "просто пропал бы".



Воскресным утром Карташов решил поехать за провизией на Привоз. Он был начинающим пенсионером, а потому в трамвае десятого маршрута, хотя уже мог ехать, не платя за проезд, задумавшись, машинально достал портмоне и купил кусочек проштампованной бумаги. Когда спохватился, было поздно — кондуктор ушла в другой конец вагона, но даже находясь она рядом, ему было бы неловко просить о возвращении пятидесяти копеек. Взглянув на приобретенное подтверждение права на проезд, он увидел шесть цифр и вспомнил, как в школьные годы верил примете, по которой равенство суммы первых трех цифр сумме второй тройки означало, что билет счастливый и можно загадать желание — сбудется. Такой билет попадался очень редко, но даже загадав при везении, он обычно забывал проследить результат. Если же между двумя суммами была разница в единицу, билет считался "любознательным", и должно было повезти в любви. Что означали остальные цифры, Карташов уже не помнил. Сейчас разница заключалась в числе семь, и он сунул билет в карман.

В середине ночи над городом тихо и медленно проплыла небольшая дождевая туча. Она высыпала миллиарды капелек, вобравших в себя по пути ее следования бог весть какие испарения. Под утро слякотью и лужами покрылся асфальт Пересыпи и старого города. Вернулась уступившая было теплу густая и зыбкая прохлада, и снова одесситы покорно облачились в кожаные куртки, свитера и плащи...

На Привозе Карташов не был лет пятнадцать. "И ка-ко-во же был-ло его удив-ле-ние..." — мысленно по слогу тянул он про себя, пробираясь по слякоти и обходя лужи, пока не догадался зайти под огромный навес, где было грязно, но сухо. Наконец он остановился, продолжая удивленно оглядываться по сторонам, среди прилавков, заваленных непривычной для его памяти продукцией. Даже при отсутствии солнечных лучей, которые на Привозе уже давно не принимали

Виталий АМУРСКИЙ

## Из цикла «Детская комната»

ОБ АВТОРЕ

Виталий Амурский родился в Москве в 1944 году. Получил высшее филологическое образование, окончив МОПИ, а позднее продолжил учебу в Сорбонне. Во Франции живет с 1973 года. Журналист русской редакции Международного французского радио, автор нескольких книг и многочисленных публикаций в периодической печати. Лауреат московского авангардного литературного издания "Футурум арт" за 2005 год в номинации "Поэзия". Член редакционного совета одесского альманаха "Дерибасовская — Ришельевская".

## Алфавит

А — как эхо в лесу,  
Ф — рябина в саду,  
Г — разбитый фонарь,  
Ш — забор, Я — холодный январь,  
М — морская волна,  
В — былая война, мотылек,

кренделёк,  
О — колечко, в колодец упавший  
цветок...

То он грустен, то весел,  
то просто молчит —  
Вот бывает какой иногда алфавит.

## Природа вещей

Памяти Спартака Калачева

Открытая книга  
Подчас  
Превращается в птицу

Карандаш,  
Воткнутый в землю,  
Вырастает в дерево

Цветные карандаши  
Рождают  
Радугу

Глядя на птиц,  
Дерева, радугу  
Думаю о тебе

## Про козу

Вдали темный лес,  
Там сосна до небес.  
В небесах звезда,  
А под ней изба.

Там коза живет,  
Пирог печет.  
Пирог печет —  
Волка в гости ждет.

И не поздно ждет, и не рано,  
Да не слышит, как из чулана,  
Где грибы да мед,  
Ей сверчок поет:

"Ах, коза, коза,  
Ты протри глаза!  
Ты глаза протри —  
Лучше дверь запри".

## Рыбалка

Встретил однажды червяк рыбака  
Или — не помню — рыбака червяка.

Было о чем им вдвоем говорить,  
Вместе отправились рыбу удить.

Вместе поплыли по тихой реке —  
В лодке рыбак и червяк — на крючке.

## Чудеса

Михаилу Яснову

Уйдя однажды в лес, опята,  
В места, где водятся ребята,  
Набрали полное лукошко!  
А в это время мышка кошку,  
Как щука рыбака, ловила...

И получилась неплоха  
В тот день Демьянова уха!

## Сивка-Бурка

То овраг, то лес, то горка,  
То равнинный путь пылит.  
То беспечный смех, то горький,  
То лишь цоканье копыт.

То дождя сплошное сито,  
То в снегу светлы поля,  
Сивка-Бурка, Бурка-Сивка,  
Укатала ты меня!

## Карусель

Музыкой и светом  
Звонкая, как медь,

Карусель под снегом,  
Снега круговерть.

Крутятся лошади  
Сквозь метельный круг,  
Шапочки и шапки,  
Смех, мельканье рук.

Снег и лиц мельканье,  
Темь и снова свет,  
Праздника дыханье,  
Суета сует!

## У колодца

(скороговорка)

Смотри на дно —  
В тени добро.  
Тяни ведро,  
Дени Дидро!

## Про "если"

Саше и Кирише, внукам

Будь однажды я маской,  
То б любил карнавал.  
А какой-нибудь сказкой —  
То себя б рассказал.

Если конскою гривой  
Я б когда-нибудь был,  
Проносился б сквозь ливни,  
Ветер, степи, ковыль.

Стать медалью героя  
Мне бы выпал удел,

К генералу, не скрою,  
Я б попасть не хотел.

Но лишённая злата,  
Что была на войне,  
Гимнастерка солдата  
Мне б сгодилась вполне.

Кем я не был, кем буду,  
Если буду потом,  
Повзрослев, не забудьте —  
Нарисуйте в альбом.

## Еще про репку

Виталию Стацкиному

Посадил дедка  
Репку,  
А где посадил —  
Забыл.  
У бабки спросил,  
И она забыла.  
Пошла к внучке,  
Внучка — к Жучке,  
Жучка — к кошке,  
Кошка — в окошко  
В дом, за печку,  
Узнать у мышки.  
А мышка испугалась —  
Убежала!

Кручинятся дедка,  
Бабка да внучка,  
Жучка да кошка —  
Где же репка?

А репка на грядке,  
А мышка на репке  
Смеются!

## Вопросы

О чем с утра поет петух,  
Гудит пчела,





Наум ГЕРЖОЙ

## Субботняя молитва и дознание

ОТРЫВОК ИЗ ГОТОВЯЩЕЙСЯ КНИГИ «ОДЕССА БЛИЗКАЯ И ДАЛЕКАЯ. ЗАПИСКИ ОДЕССИТА»

Много сочной заграничной русской прессы я читаю, наслаждаясь и дурея; можно выставить еврея из Одессы, но не вытравить Одессу из еврея.

И. Губерман

И было утро, и был день, и настал вечер шестого дня — одной из пятниц 2005 года. Из небольшого модельного зала еврейской общины города Мёнхенгладбаха приглушенно раздавался нестройный хор полтора десятков скрипучих мужских и трех десятков низких женских голосов. С сильным русским акцентом они негромко вторили кантору: "Барух ата адонай мкадеш хашабат — Благославен Ты, Г-сподь, освещающий Субботу!". Низкие осенние черные дождевые тучи стремительно пронесли над готическими крышами городских домов, беспорядочно кружилась опавшая листва, издавая прелый запах, и изредка раздавался звук капель, падающих на камни тротуара. Кап-кап-кап.

Вторая им, бессистемно пронеслись в моем сознании видения — картинки былого, навеянные происходящим, возникали незваные мысли. Кап-кап-кап.

Вот я, молодой человек, студент-первокурсник Одесского института горючего промышленности и электротехники хозяйства им. И.В. Сталина (в другой мне, еврей, без связей путь был заказан), взбегаю по лестнице на второй этаж и быстро иду по балкону, опоясывающему типичный одесский двор дома, что на углу улиц Свердлова (бывшая Канатная) и Чкалова (бывшая Большая Арнаутская). Дверь коммунальной квартиры, где прожи-

вают мои бабушка и дедушка, распахнута, мне навстречу выходят уходящие от них гости. Мы раскланиваемся, я прохожу в комнату и вижу на столе альбом с семейными фотографиями. На одном из снимков, который заинтересовал меня, запечатлены две сидящие на скамье молодые женщины и стоящая между ними девочка. На ее голове — белая косынка с красным крестом. Бабушка: "Это сестры твоего дедушки, Клара и Дора, которым ты, стало быть, доводишься внучатым племянником, а это — твоя мама, их любимая племянница. Клара — учительница гимназии, подруга сестры Владимира Жаботинского и приятельница его самого. Сестры были сионистками и при первой возможности они вместе с мамой их и твоего дедушки в начале 1920-х годов уехали в Палестину. Дора и мама умерли, Клара вышла замуж за Рубина, архитектора города Хайфы. Переписки с ними у нас давно нет. Она прервалась еще до Великой Отечественной войны".

А вот я старшеклассник. Поздний зимний вечер начала 1950-х годов. Уютно потрескивают дрова в кафельной печи. Мама, возвратившись с работы и приготовив еду, собирает ужин. Папа задерживается почему-то дольше обычного. Наконец приходит. Не переодеваясь, как обычно, в домашнюю одежду, он садится за стол и начинает задавать маме вопросы, получала ли она письма из-за границы и отвечала ли на них; знает ли о запрете на переписку с иностранцами для работающих в штабе округа. Из их взволнованной беседы я узнаю, что мама получила и ответила на письмо из Палестины мужу тети Клары, Рубину, в котором он сообщил, что движимый тревогой за нас и выполняя ее последнюю волю, он с

большим трудом разыскал наш адрес через Красный Крест, чтобы узнать о нашей судьбе и оповестить маму как единственную их наследницу о дарении ей, самой любимой, практически всего их движимого и недвижимого имущества. В его числе: многокомнатный двухэтажный дом и архитектурная мастерская в Хайфе, легковой автомобиль, счет в банке и т. д. и т. п. Он просил маму приехать для юридического оформления дел и, если она пожелает, то с другими членами семьи. Все дела, связанные с оформлением и оплатой этого, г-н Рубин любезно брал на себя. Мама, поблагодарив его за заботу и участие, выразив соболезнование по поводу кончины тети, ответила отказом от любой помощи и подарков, мотивируя это нашим благополучием и достатком как семьи советского офицера, занимающего высокую должность, несмотря на еврейскую национальность. Письмо и копию ответа мама, к сожалению, не сохранила...

Отца пригласили явиться на следующий день, в пятницу, после работы на партийную комиссию для объяснений. В назначенное время он ожидал вызова в приемной. Проходящий мимо него член комиссии полковник С-ко неожиданно произнес, не обращаясь ни к кому, фразу из субботней молитвы: "Шма ישראל злохейну адонай эхад. — Слушай, Израиль, — Г-сподь Б-г наш, Г-сподь один!". "О чем вы?" — с едва скрываемаи удивлением и тревогой спросил отец у полковника, молча исчезнувшего за дверью. "Дела мои плохи, если он, украинец, вдруг заговорил на иврите", — подумал отец. Через некоторое время папу пригласили войти. Его обвинили в сокрытии факта переписки с иностранцами гражданами. Неожиданно из-за стола встал полковник С-ко и, обращаясь к комиссии, предложил: "Раз вы вызвали только Бориса Петровича без жены, а он утверждает, что лично не получал, не читал письма и не отвечал на него, ознакомьте всех с текстом ответного письма Рашель Самуиловны, его жены". Секретарь комиссии, открывая копию письма, подвергшегося перлюстрации, читает: "Уважаемый г-н Рубин! Выражаю вам глубокое личное соболезнование по поводу безвременной кончины любимой вами и мной жены и тети, дорогой Клары. Мой муж, находящийся сейчас во временной служебной командировке, не может, к сожалению, присоединиться лично к моему соболезнованию и по причине незнания им текста вашего прискорбного письма. Он, офицер Советской Армии, имеет высокий чин и занимает солидную должность, я работаю на хорошо оплачиваемой работе. Нам вернули довоенную квартиру в центре города, мы владеем собственной автомашиной. Сын мой учится в хороших общеобразовательной и музыкальной школах. Спасибо вам за вашу доброту и щедрость, за ваши предложения помочь нам, но мы ни в чем не знаем нужды и не нуждаемся ни в какой помощи...". Полковник С-ко: "Достаточно. Считаю, из текстов письма и проверки неоспоримо следует, что подполковник Гержой не имел к нему ни малейшего отношения...".

На основании выводов партийной комиссии моя мать была уволена из штаба Одесского военного округа с должности вольнонаемной служащей одного из отделов "в связи сокращением штатов"; мой отец, получив строгое партийное взыскание "за недостаточное политическое воспитание жены", переведен из штаба ок-

руга в одну из воинских частей на значительно более низкую должность. Наконец удалось кадровикам избавиться от одного из последних в штабе офицеров-евреев. (При этом комиссия, проведя дознание мало-квалифицированно и формально — словно под чей-то заказ, ничего не выявила ни по сионистской сущности покойной тети моей мамы, ни по ее связи с самим Владимиром (Зеевом) Жаботинским. Ведь именно о возможности вскрытия этих фактов, как я мог предполагать, молча переживали тогда мои родители. Зная их, власти могли бы серьезно поиздеваться над нашей семьей.)

Прошло с тех пор много лет. Морозным зимним воскресным днем мы с женой возвращались на метро домой из московского еврейского театра "Шалом", в книжном ларьке которого я по случаю приобрел третий выпуск альманаха еврейской культуры "Ковчег" издания 1992 года. На одной из его страниц я обнаружил отрывок из романа В. Жаботинского "Петеро", посвященного жизни Одессы, который впервые был опубликован на русском языке в Париже. В конце первой страницы романа (в сноске) я прочитал: "Все права сохраняются за З. Жаботинским и К. Рубин". (За кем, за кем?! К. Рубин, но это не по-русски. К. Рубиным, или К. Рубиной? Кто это? Не те ли самые Клара Рубина или ее муж? А может быть, это просто случайное совпадение? Ведь какие только сюрпризы не преподносит нам порой жизнь!)

В этот момент в молельном зале, прерывая поток моих сумбурных воспоминаний и дум о былом, прозвучали завершающие слова вечерней субботней молитвы: "Адонай ли вло ира. — Г-сподь со мной, и не утрашусь". Хорошей субботы, здоровья и благополучия желают друг другу, поднимаясь с мест и пожимая руки, молящиеся.

С пожеланием и вам всего этого, дорогой читатель!

Одесса — Москва — Менхенгладбах.

## Памяти музыканта и друга Ревнитель просвещения

Мировая музыкальная общественность проводила в последний путь выдающегося музыканта, композитора, ученого, пианиста Иосифа Дорфмана, до последних минут щедро отдававшего свои силы Музыке.

Его детство и музыкальная юность прошли в нашем городе. Закончив Одесскую государственную консерваторию им. А.В. Неждановой как пианист (по классу профессоров М.М. Старковой и Э.Д. Коваленко), теоретик и композитор (по классу проф. А.Л. Когана), он работал в Одесской консерватории, читал лекции по истории современной музыки.

Продолжая заниматься фортепианным исполнительским творчеством, он выступил инициатором исполнения цикла "Ludus Tonalis" П. Хиндемита, осуществленный студентами класса профессора Э.Д. Коваленко, повторенный потом многократно в различных городах Украины и Молдавии. Поражала его увлеченность эстетической системой художественных взглядов П. Хиндемита, его музыки, которая в те годы практически не звучала, а также новинками сочинений советских композиторов: С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Г. Свиридова — и французских авторов: Д. Мийо, А. Онеггера — далеко не полный перечень его музыкальных пристрастий, в которых он досконально разбирался как композитор, теоретик и пианист.

Обладая незаурядной художественной интуицией и музыкальным чутьем, он стремился охватить все явления современной музыки, недоступные в те годы, а иногда и не принимаемые официальными кругами. Он был инициатором проведения в Одессе и других городах страны концертов-лекций, посвященных современной музыке, в

которых он принимал участие как музыковед, композитор и исполнитель.

В год смерти П. Хиндемита (1963) в Большом зале консерватории состоялся концерт, посвященный памяти выдающегося немецкого композитора, — тогда это было событие. И. Дорфман открывал тот концерт вступительным словом и исполнил первую сонату Хиндемита. Кроме И. Дорфмана в концерте принимали участие еще только два музыканта: ныне профессор одесской консерватории заслуженный артист Украины К.Э. Мюльберг (соната для кларнета) и профессор Э.Р. Дагилайская (соната № 3 для фортепиано) — больше никто в консерватории эту музыку не играл.

Это были первые шаги в большой мир современной музыки. В 2004 году состоялись международная конференция и концерты, посвященные 110-летию со дня рождения Пауля Хиндемита, организатором и председателем которой стал Иосиф Дорфман. После окончания одесской консерватории И. Дорфман продолжил свое образование в аспирантуре института Гнесиных у профессора Г. Литинского. Но он не терял связи с Одессой, надеясь продолжить начатую здесь до аспирантуры преподавательскую работу в консерватории.

В Тель-Авиве у И. Дорфмана открылось второе творческое дыхание. Он завоевал признание в музыкальных кругах своей неустанной работой и эрудицией. Удостоился избрания на должность ректора Тель-Авивской консерватории.

В начале 90-х годов он стал организатором трех грандиозных фестивалей еврейской классической музыки на территории бывшего Советского Союза — в Литве (1991 г.), в Москве и Одес-

се (1992 г.). Это были фестивали современной еврейской музыки XX века, на которых звучали сочинения С. Барбера, А. Берга, Л. Бернштейна, Э. Блоха, П. Бэн-Хаима, Дж. Гершвина, М. Гнесина, И. Дорфмана, Э. Изаи, А. Копленда, А. Крейна, Г. Малера, Е. Станковича, А. Шенберга, А. Шнитке, Д. Шостаковича.

В Литве прозвучало его монументальное сочинение "Кантелорио" для симфонического оркестра, хора, детского хора, солистов-певцов и двух нараторов (на библейские сюжеты).

На одесском фестивале выступил также отличный фортепианный дуэт в составе: Виктор Фрейдман и Надежда Журавская. Фортепианные сочинения исполнила профессор Одесской консерватории им. А.В. Неждановой (ныне Музыкальной академии) Эвелина Дионисовна Коваленко. Прозвучали: "Клеймер-баллада" И. Дорфмана, сюита для фортепиано Пауля Бэн-Хаима, соната № 4 С.Е. Фейнберга. Этот фестиваль по грандиозности замысла и по осуществлению задуманного раскрыл широту натуры его организатора — Иосифа Дорфмана.

Мы, его учителя, коллеги и друзья, скорбим об уходе из жизни нашего соотечественника, завоевавшего незаурядным талантом и человеческими качествами многомиллионную аудиторию слушателей на разных континентах, и надеемся, что его сочинения будут продолжать звучать и приносить радость узнавания новой музыки и нового теоретического мышления человека XXI века.

По поручению коллег, друзей, почитателей таланта Иосифа Дорфмана, профессор ОГМА им. А.В. Неждановой, заслуженный работник культуры Украины, кандидат искусствоведения Эльвира ДАГИЛАЙСКАЯ.

10 июля 2006 г. исполняется 75 лет Вилли (Веллиму) Александрич Петрицкому, философу, литератору, библиофилю и библиофилу, доктору философских наук, профессору, действительному члену Академии гуманитарных наук, члену Союза журналистов России с 1959 г.

В.А. Петрицкий — автор более 500 печатных работ, 13 книг. Его работы издавались на английском, болгарском, испанском, литовском, немецком, польском, румынском, финском, французском, чешском и эстонском языках.

Ученый известен как первый и крупнейший в России исследователь творческого наследия мыслителя-гуманиста, лауреата Нобелевской премии мира Альберта Швейцера. Труды Петрицкого нашли отклик в мировом швейцероведении. Известны специальным тиражом и работы В.А. Петрицкого по космической и экологической этике, толерантности, теории конфликта. Некоторые из них также издавались за рубежом.

Библиофилам страны знакомы многочисленные публикации Петрицкого в сборнике "Книга. Исследования и материалы", в альманахах "Библиофил", "Библиофилы России", "Невский библиофил", а также подготовленный и изданный

В.А. Петрицким сборник "Книга и время".

Как литератор — прозаик, поэт, публицист — В.А. Петрицкий печатал свои произведения в журналах "Звезда", "Нева", "Аврора", в региональных журналах и сборниках.

Широко известен юбиляр общественной деятельностью. Он — сопредседатель Организации российских библиофилов, председатель старейшего библиофильского клуба страны — секции книги и графики Петербургского Дома ученых РАН, президент Петербургского общества любителей книги, член правления Общества друзей Российской национальной библиотеки, редакционного совета сборника "Книга. Исследования и материалы", главный редактор альманаха "Невский библиофил".

Научная и общественная деятельность В.А. Петрицкого отмечена Почетной грамотой Президиума Академии наук СССР, медалями "Ревнителю просвещения" Академии российской словесности (Москва), Альберта Швейцера Европейской Академии естественных наук (Ганновер, ФРГ), Ивана Федорова Международного союза кнголюбобов (Москва), А.Н. Оленина Советского Союза (Санкт-Петербург), присуждением премии им. Е.Р. Дашковой в номинации "Меценат".

Бюро Секции книги и графики С.-Петербургского Дома ученых РАН, Одесские любители книги.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 77-33-705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N \_\_\_\_\_. Газета отпечатана в типографии "СІС".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.